независимое общественно-политическое издание
http://smolensk-i.ru

# О ЧЕМ ГОВОРИТ СМОЛЕНСК

№12(80) || 29 июля 2013 г.

# ЖИЗНЬ как ПОБЕДА

Две ссылки,
три войны
и четыре марафона
Ангелины
Маклецовой

стр.14

# Гнездовский археологический комплекс

**Состоит из трех тысяч древнерусских курганов, двух городищ (укрепленных поселений) и нескольких селищ**

**Имеет мировое культурно–историческое значение**

**стр.11**

Совместный проект журнала «О чем говорит Смоленск» и Главного управления информационной политики и общественных связей Смоленской области

это смоленск

Общественно–политическое издание
**«О чем говорит Смоленск»**
**№12[80] || 29 июля 2013 г.**

Главный редактор
**Светлана Савенок**

Шеф–редактор
**Евгений Ванифатов**

Дизайн/верстка
**Ирина Столбова**

Фото
**Анна Дюндик**
**Елена Костюченкова**
**Юлия Моисеева**
**Дмитрий Прудников**

Веб–сайт
**http://smolensk–i.ru**

Редакционная почта
**smolredaktor@yandex.ru**

Подписной индекс
**16965**

Учредитель
**ООО «Группа ГС»**

Адрес редакции
**214030, г.Смоленск,**
**Краснинское шоссе, д.29**
Телефон **60–63–94**

Журнал **«О чем говорит Смоленск»** зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Смоленской области

Свидетельство о регистрации
**ПИ N ТУ67–00081 от 22.01.2010**

Периодичность выхода
**два раза в месяц**

Отпечатано в ООО «Типография Михайлова–С»
(214020, г.Смоленск, ул.Шевченко, д.86)
[4812] 31–75–25
Подписано в печать: 26.07.2013 в 18.00
По графику: 18.30
Тираж: **10 000 экземпляров**
Свободная цена
Заказ:

# Есть повод!

Именно эта мысль посетила нас первой по возвращению из отпуска на героическую смоленскую землю. Имеется в виду повод для осторожного оптимизма (как принято говорить в дипломатических кругах). И этот повод просто нельзя не заметить, прогуливаясь по центру нашего любимого города.

Да–да, лучше именно прогуляться, а не торопиться куда–то по делам. Настоятельно рекомендуем. Оно того стоит. Пройдитесь не спеша по Советской, по Дзержинке, загляните на Ленина, Пржевальского, непременно дойдите до Лопатинского сада. Это, если можно так выразиться, обязательная программа. Но даже ее будет достаточно для того, чтобы убедиться, как сильно преобразилась центральная часть Смоленска буквально за последние пару месяцев. А еще можно будет легко представить, как здесь станет красиво, когда разберут последние строительные «леса».

А ведь те же пару месяцев назад мало кто верил, что решительные заявления о том, что город к юбилею несмотря ни что приведут в порядок, будут подкреплены делами. Скептиков и просто ворчунов и сейчас немало. Говорят, опять аврал, что город заполонили гастарбайтеры, что пробки, что все скоро развалится, что раньше надо было, что лучше бы… и прочая–прочая.

Конечно, проблемы есть. Есть даже вопиющие факты. Когда, например, в одном из ремонтируемых домов рабочие разобрали крышу и… исчезли. Есть и весьма сомнительные объекты, без которых город вполне мог бы обойтись. Все так. Однако масштаб ПОЗИТИВНЫХ изменений в Смоленске, произошедших в рекордно короткие сроки, просто не может не радовать тех, кто в этом городе живет, тех, кто этот город любит.

А есть и случай буквально фантастический! Речь о многострадальной набережной, которая, казалось, так и останется грустным памятником прожектерству и некомпетентности. Но ведь строится. И будет–таки достроена! (*см. стр.12*)

Позитивом и масштабом обещают нас порадовать и непосредственно праздничные мероприятия. По нашей информации там будут и самые что ни на есть звездные «звезды», и асы воздушного пилотажа, и много еще чего интересного.

Ей–Богу, друзья, повод есть! И есть ощущение, что будут и другие. Будут поводы для радости, для гордости за наш город, для надежд на лучшее. Мы в этом почти не сомневаемся. ■

# «Те, кого нельзя называть»

О предвыборных муках прессы, считающей себя свободной

**Анна РЕЗНИК**

Наш журнал позиционирует себя как издание для лиц старше 18–ти лет, поэтому, уважаемые читатели, мы можем позволить себе говорить с вами откровенно.

Свободной прессы, конечно, не существует.

Но люди, которые мыслят независимо и беспристрастно, присутствуют и среди журналистов.

И я всегда считала, что авторы журнала «О чем говорит Смоленск» — среди них.

Другое дело, чем ближе к нам приближалась выборная страда, тем более очевидно всякому мыслящему существу становилось, что любой анализ местной политической атмосферы лучше попридержать до других времен. Потому что, наши взрослые читатели, вы прекрасно знаете, что цензуры нет. Но есть самоцензура, и она не позволяет высказывать ничего, в чем не уверен на сто процентов. А в смоленской политике смело выражать уверенность можно только в одном — в том, что Ленин стоит на площади Ленина. Не говоря о том, что любое рассуждение о политических партиях мигом подпадет под закон. А любое упоминание кандидата будет расценено либо как агитация, либо как контрагитация. А бесплатно ни тем, ни другим заниматься, конечно, не хочется… Поэтому мы сознательно перевели свое внимание со дня сегодняшнего в день вчерашний,

> В смоленской политике смело выражать уверенность можно только в одном — в том, что Ленин стоит на площади Ленина

перестали писать о политике и начали задумываться о вечном, о культуре, о науке… Кстати, ученые подобное состояние организма называют анабиозом.

Но мы отвлеклись.

Конечно, мы бы и рады были окончательно не превращаться в научно–непопулярный журнал и уделить некоторое внимание местному политическому сектору. Но чтим законодательство о выборах и референдумах…

А ведь обсудить уже есть кого.

Своего рода презентация не всех, но хотя бы половины участников предвыборного забега состоялась на мероприятии под названием «За честные выборы». Организатор — аппарат уполномоченного по правам человека в Смоленской области, участники — общественные организации и политические партии, прочие заинтересованные лица. Цель «Честных выборов» была в том, чтобы подписать одноименный меморандум, мол, мы, участники, согласны провести кампанию не переступая этических и законодательных рамок… Вежливая формальность. Сравнить можно с предложением чашки чаю в гостях.

Но чувство такта, как и чувство юмора, невозможно симулировать. В том смысле, что если у реципиента оно отсутствует — отстаньте от него со своим чаем. В противном случае он будет вылит вам на голову.

Именно так и случилось на круглом столе «За честные выборы», за который (стол) сели представители различных партий.

Далее должно было бы последовать сочное описание неджентльменского поведения представителей двух оппозиционных партий, но это, увы, невозможно.

Коротко говоря, господа довольно быстро забыли о том, ради чего собрались и перешли на личности, стали озвучивать претензии и голословные обвинения (все обвинения будут голословными, пока обратное не докажет суд).

Были и претензии к предложенному меморандуму. Оппозиционным партиям, ратующим за права и свободы, особенно не понравилось, что документ не накладывает никаких санкций. Борцы против полицейского государства объясняли присутствующим, что нет смысла подписывать документ, если его гарантом исполнения становится только честь и совесть подписавших. Хотя, надо признать, есть в этом заявлении некрасивая правда жизни…

Но не будем придираться к поведению за столом, пусть даже этот стол круглый и «За честные выборы». Ведь на самом деле работа настоящего депутата начинается во дворе, а вовсе не в большом зале или избиркоме. Каждый уважающий себя кандидат должен пройти инициацию — встретиться с жителями двора и унять их без помощи милиции. Все остальные это, извините, «списочники» и «мурзилки». Конечно, действо должно быть правильно обставлено. Сначала на подъездах расклеиваются объявления о том, как сильно кандидат волнуется о жителях, мол, как вы тут без меня? Далее в объявлении следует конструктивное предложение, например, приходите такого–то числа на общее собрание жильцов, будем обсуждать, кого какие проблемы волнуют. А потом и сама встреча. И шутки в сторону! На самом деле, выйти достойно из этой схватки с избирателями может далеко не каждый. Увы, многие избиратели во многом не отстают от вышеописанных оппозиционных кандидатов. Тот же напор, та же наглость, те же претензии. Поневоле проникнешься сочувствием к партии, чьего имени нам, кстати, тоже нельзя называть.

И, кстати, нам нельзя рассказывать народу об одном из ее масштабных проектов «Народная экспертиза», хотя уже в названии это проекта присутствует народ, и мы бы с удовольствием о нем написали…

Поэтому продолжаем молчаливо следить за тем, как развиваются события. А тем кандидатам, которые уже отказались подписывать меморандум, а также не считают своим долгом ходить на встречи с избирателями, предлагаем набраться мужества и хотя бы поцеловать перед камерами младенца. Впрочем, нет, это тоже нельзя… ■

> Каждый уважающий себя кандидат должен встретиться с жителями двора и унять их без помощи милиции

# Вопросы Ребрика

**Евгений ВАНИФАТОВ**

Общественная палата Смоленской области, чей четвертый созыв возглавил Юрий Ребрик — персона, в представлении не нуждающаяся, обладает, помимо прочего, уникальным правом. Правом задавать вопросы чиновникам и требовать от них действия. «*К сожалению, очень многие из них не хотят дискутировать с Общественной палатой*, — отмечает Ребрик. — *Думают, видимо, что они самые умные. Наша общая задача — поправить такое положение вещей*».

**— Юрий Николаевич, еще совсем недавно никто не мог предположить вашего появления в Общественной палате. Как все–таки случилось ваше возвращение?**

— Совершенно обыкновенно. Член палаты Нина Никонова сложила свои полномочия в связи с принятием решения баллотироваться в депутаты Смоленской областной Думы.

**— Она ушла, место освободилось, и…**

— И мне предложил губернатор Островский войти в его «список двенадцати». Чтобы не кривить душой, хочу сказать вам прямо, что это предложение не вызвало у меня какого–то дикого восторга. Однако, уважая Островского, реагируя на его действия, на желание улучшить существующее положение дел в Смоленской области, я согласился. Конечно, он говорил, что планирует выдвинуть мою кандидатуру на пост председателя палаты.

**— Вряд ли бы вас устроило рядовое членство.**

— Да устроило бы, устроило. Другой вопрос: пошел бы я или нет. Но и сейчас ведь, с одной стороны, приятно, что доверили и выбрали единогласно. Но, с другой стороны, предстоит громадная работа. Даже не с точки зрения ее объема, а с точки зрения выстраивания эффективного, конструктивного и оперативного(!) диалога с органами государственного управления, с местной властью. К сожалению, очень многие чиновники не хотят дискутировать с Общественной палатой. Думают, видимо, что они самые умные. Наша общая задача — поправить такое положение вещей.

**— Не только чиновники не воспринимают палату всерьез. Определенная часть общества полагает, что Общественная палата — очередная декорация, придуманная в спешном порядке после отмены губернаторских выборов.**

— Это глубоко ошибочное мнение. Общественная палата — важнейший инструмент гражданского общества. Того самого общества, которое в России, к сожалению, отсутствует. Общественная палата — это один из шагов в его сторону. Для того, чтобы власть перестала относиться наплевательски к народу — своему работодателю, нужно начинать с того, чтобы она стала уважать и слушать голос Общественной палаты — эдакого общества в миниатюре. Прошла масса заседаний палаты, и я подозреваю, что многие чиновники и структуры, в чей адрес направлялись решения палаты, вообще никак на них не отреагировали. Поэтому первое, с чего я как председатель палаты начну — изучу *все* решения *всех* палат и посмотрю: читали адресаты их вообще, и как отреагировали. Пусть это и потребует много времени. Многие, возможно, и не знают, что региональный закон «Об общественной палате Смоленской области» *обязывает* чиновников и депутатов в течение месяца рассмотреть наши предложения и *в присутствии членов палаты* высказать свое мнение.

Повторюсь, такой анализ и последующие из него выводы — это одна из важнейших задач новой палаты в краткосрочной перспективе. Увидеть и понять, как реагирует власть на наши мысли. Если станет ясно, что никак, нужно собираться всем миром на уровне областной Думы и областной администрации и формулировать меры ответственности в отношении тех, кто «чихает» на палату.

**— Выборы председателя оказались безальтернативными.**

**Почему? Совсем «буйных мало» или ваши коллеги по палате опасались перечить предложению Островского?**

— Во–первых, безальтернативности не было. Если бы, к примеру, губернатор пришел и сказал: вот вам Ребрик, получайте председателя!.. Но такого же не было. У всех присутствующих было спрошено: есть ли у вас другие предложения? Других предложений не последовало. Что двигало членами палаты, я не знаю. Возможно, некоторым импонировало предложение губернатора (все–таки, предлагая председателя, он тоже несет ответственность за его будущую работу, фактически гарантирует, ручается). А некоторые, быть может, и боялись перечить.

Как бы то ни было, позволю напомнить, что меня достаточно хорошо знают жители Смоленской области, я руководил Общественной палатой второго созыва и получил массу положительных оценок по итогам ее работы. Хотя, не скрою, общественная деятельность привела к серьезному напряжению в моих отношениях с губернатором Антуфьевым, которому не нравилась активность палаты. Надеюсь, губернатор Островский будет только приветствовать наши инициативы.

**— Вы знаете Алексея Островского не первый год. Какое впечатление у вас сложилось о нем?**

— Действительно, мы знакомы еще со времен его депутатс-кой работы в Госдуме, когда он курировал Смоленскую область. Мне нравится его откровенность, нравится, что он может высказать собственное мнение, не стесняясь никого. В целом я отношусь к нему лучше и с бо́льшим доверием, чем отно-

сился ко всем другим смоленским губернаторам.

**— Губернатор Островский меньше связан со Смоленщиной, нежели его предшественники. Это хорошо или плохо?**

— С одной стороны, это усложняет работу. И сейчас один из главных вопросов для него — кадровый вопрос. До своего назначения Островский слабо знал армию смоленских чиновников уровня начальника департамента и ниже.

С другой стороны, то, что он не был связан до назначения со Смоленщиной никакими экономическими или личностными нитями, упрощает его действующую работу. Он же, напомню, был в прямой оппозиции к губернатору Антуфьеву. Вспомните его риторику, как он выступал на митингах… Мне это, кстати, тоже нравилось. Нравилась откровенность его суждений. И вот как распорядилась история: его слова легли на подготовленную почву.

**— А партийная принадлежность Островского вас не смущает?**

— Ничуть. Что мне с того, что он из ЛДПР? Кому это мешает?

**— Ну, возможно, «Единой России».**

— Не думаю. Я «Единую Россию» знаю досконально. Не зря ведь когда–то я организовывал ее работу на Смоленщине.

**— Кстати, вы вышли из партийных рядов три года тому назад.**

— Вышел, и ничуть об этом не жалею. Ну не мог я смотреть на то, как экс–губернатор назначает лидерами партии своих друзей, а они потом делают что хотят. Поэтому и написал заявление, дескать, по принципиальным идеологическим соображениям более не могу находиться в этой партии и прошу меня исключить из ее рядов. Специально так прописал, с указанием мотива. Исключили меня, нужно сказать, с радостью. И я был этому рад, потому что партия стала превращаться в инструмент деятельности нескольких человек.

**— Как думаете, факты выдвижения вас губернатором и единогласная поддержка коллективом палаты будут способствовать тому, что чиновники станут прислушиваться к голосу палаты?**

— Не сомневаюсь.

**— Для вас важна эта конструктивная линия отношений с губернатором?**

— Безусловно. Ведь все эти нерадивые чиновники — это подчиненные Островского.

**— Как вы оцениваете авторитет четвертой палаты, ее потенциал?**

— Изучив персональный состав, могу сказать, что со многими коллегами я пока, к сожалению, не знаком. Хотя, пообщавшись немного на первом заседании, вижу, что люди они инициативные. Вместе с тем считаю, что при формировании палаты допущены серьезные ошибки. Ну вот, например, почему в ее составе нет ни одного врача? Ни одного. А ведь медицина — это одна из важнейших социальных сфер. У меня сложилось такое мнение, что на стадии формирования палаты никто не обратил внимания на подобные вещи. Все–таки их нужно было предусмотреть.

**— Некоторые ключевые направления работы палаты — это, по вашим словам, ЖКХ, доступная среда для инвалидов, доступная медицинская помощь на селе…**

— ЖКХ — это очевидная сфера приложения сил. Одна только непонятно как начисляемая плата за общедомовые нужды чего стоит. Немало смолян (особенно пенсионного возраста), для которых увеличение коммунальных платежей на пятьсот рублей или тысячу крайне болезненно отражается на семейном бюджете. Не думаю, что средняя пенсия в Смоленской области намного превышает десять тысяч рублей. Поэтому здесь есть над чем поработать.

Еще один крайне важный для меня вопрос касается принятого Госдумой так называемого «анти-

Органы государственной власти Смоленской области, органы местного самоуправления и их должностные лица, которым направлены решения Общественной палаты, **обязаны проинформировать Общественную палату о результатах рассмотрения соответствующего решения в течение тридцати дней со дня его регистрации**. В исключительных случаях руководитель органа государственной власти Смоленской области, руководитель органа местного самоуправления либо уполномоченное на то лицо вправе продлить срок рассмотрения указанного решения не более чем на тридцать дней, уведомив об этом Общественную палату

п.2 ст.9(1) областного закона № 3–з «Об Общественной палате Смоленской области» от 13 марта 2006 года

магнитского закона», запрещающего иностранное усыновление российских детей. Говорят, дескать, в Америке гибнут наши дети. Да, гибнут. Но давайте посчитаем, сколько их гибнет у нас в России! Восемьдесят процентов выпускников интернатов не могут найти свое место в жизни. Жилья нет, хотя закон есть. Исход для многих, увы, предрешен: тюрьма, образ жизни изгоя.

Давайте подумаем, что нам сделать, чтобы в Смоленской облас-ти коренным образом изменить ситуацию? Откуда берутся такие дети? Зачастую из неблагополучных семей. Сколько у нас матерей–одиночек? Хорошо еще, когда у этой матери есть родители или родственники. А если нет? А ведь многие их осуждают, мол, зачем вообще рожать, если не можешь содержать?! Я бы таких людей, честно говоря, отвергал от общества. Это же прекрасно, что она рожает, что продолжает жизнь. И мы должны помочь этим матерям–одиночкам, чтобы они не бросали своих детей, не отдавали в детские дома. Здесь вопрос во многом упирается в финансовую плоскость. Нужно просто все подсчитать и далее думать, как изыскать эти средства в областной казне.

Хотел бы я послушать предложения по решению доступной среды для инвалидов. Ну неужели сложно ответственно подойти к этому вопросу и не делать пандусы с углом наклона в шестьдесят градусов и более?! Почему городская власть принимает такие объекты? Почему не проведет ревизию, не обяжет нерадивых собственников переделать откровенные безобразия? Пока доступная среда для инвалидов больше похожа на видимость.

Заключения Общественной палаты по результатам экспертизы проектов областных законов подлежат **обязательному** рассмотрению Смоленской областной Думой

п.2 ст.12 областного закона № 3–з «Об Общественной палате Смоленской области» от 13 марта 2006 года

Аналогичная плачевная картина складывается в сфере обеспечения сельских жителей питанием и медуслугами. Эту ситуацию я знаю не понаслышке. Есть у меня дача на Акатовском озере. Когда–то, когда дорога была поприличнее, туда ходила автолавка. Пос-ледние годы уже не ходит, и местные бабушки и дедушки (часть из них передвигается вообще на костылях, лет–то им уже, дай Бог, сколько!) то просят дачников купить им продукты, то идут полтора километра до приличной дороги и часами ждут эту автолавку. Вот так и живет смоленская глубинка.

Ситуация с медицинским обслуживанием еще хуже. Помню, как–то беседовал с руководителем фельдшерско–акушерского пункта, которая обслуживала семь деревень, в них остались в основном одни старики. Эта врач откровенно сообщила мне, что зимой просто невозможно добраться до больных...

Помимо социальной сферы есть у меня вопросы и к инвестиционному климату Смоленской области. Почему у нас зачастую тормозятся инвестиционные проекты с привлечением частного капитала? Да потому что инвестор уже информирован о том, что пока не даст взятку или не предложит откат, вход на тот же строительный рынок Смоленщины ему наглухо закрыт. Его заставляют давать. Однако частный инвестор очень хорошо умеет считать каждую ко-

Заключения Общественной палаты по результатам экспертизы проектов нормативных правовых актов органов исполнительной власти Смоленской области и проектов нормативных правовых актов органов местного самоуправления подлежат **обязательному** рассмотрению соответственно органами исполнительной власти Смоленской области, органами местного самоуправления

п.3 ст.12 областного закона № 3–з «Об Общественной палате Смоленской области» от 13 марта 2006 года
(Пункт в редакции Закона Смоленской области от 28.11.2008 г. № 163–з)

При рассмотрении заключений Общественной палаты по результатам экспертизы проектов соответствующих нормативных правовых актов на заседания Смоленской областной Думы, заседания комитетов и комиссий Смоленской областной Думы, заседания Администрации Смоленской области, заседания коллегий органов исполнительной власти Смоленской области и заседания органов местного самоуправления **приглашаются члены Общественной палаты**

п.4 ст.12 областного закона № 3–з «Об Общественной палате Смоленской области» от 13 марта 2006 года
(Пункт введен Законом Смоленской области от 28.11.2008 г. № 163–з)

пейку, и в подобном случае просто уходит в соседние регионы.

**— В ту же Калугу или Белгород, которые за последние лет десять ушли по этой дороге далеко вперед?**

— Именно. И, значит, руководство этих регионов смогло навести порядок в таких делах. А мы чем хуже? Возьмите трассу Москва—Минск — это прямой коридор на Запад, возьмите железнодорожные развязки, возьмите земельные угодья. Все это (и многое другое) — бесспорные инвестиционные плюсы. Почему же к нам приезжают деловые люди, проводят переговоры и… уезжают? Почему? Почему бюджетные стройки у нас минимум в полтора раза дороже частных?..

Должностное лицо органа государственной власти Смоленской области или органа местного самоуправления, которому направлен запрос Общественной палаты, **обязано дать на него ответ не позднее чем через тридцать дней со дня получения запроса**, а в исключительных случаях, определяемых Общественной палатой, — не позднее чем через четырнадцать дней. Ответ должен быть подписан тем должностным лицом, которому направлен запрос, либо лицом, исполняющим его обязанности

п.2 ст.14 областного закона № 3–з «Об Общественной палате Смоленской области» от 13 марта 2006 года

**— Кстати говоря, по поводу бюджетных строек. Как вы можете оценить работу властей по подготовке к празднованию 1150–летия Смоленска?**

— Считаю, что идея попросить денег на юбилей — правильная идея. Однако, как я вижу, попросили совсем не на то, на что следовало бы. Ну что у нас — набережная, зоопарк… Скажете, неплохо? Но ведь в городе есть масса других вещей, которые нужно делать в первую очередь, в том числе и за счет юбилейных средств. Те же детские сады. Почему при почти десятитысячной очереди в детсад мы не потратили на их строительство ни копейки из шестнадцати юбилейных миллиардов?

Ну и, конечно, вопрос ответственности чиновников за выявленные безобразия. Вот, говорят, там–то не те опоры поставили на набережной. Да ерунда, отмазка! По полному счету должны ответить все те чиновники, которые проводили конкурсы и организовывали работу на юбилейных объектах.

В общем, оценивая подготовку к юбилею, я должен отметить, что а) не туда направлены силы и финансы и б) нет ответственности. Хотя, губернатор Островский говорит, что не оставит без внимания ни одного выявленного случая провальной работы, что все причастные понесут заслуженное наказание. Что ж, посмотрим.

**— В Смоленске последние годы складывается напряженная политическая ситуация, связанная с «вводом в эксплуатацию» двуглавой конструкции городской власти. Полагаю, и это (в числе прочего) повлияло на качество юбилейных строек. Быть может, пришло время вернуть всенародные выборы мэра?**

— Многоглавые конструкции — это, конечно, глупость. Но и всенародные выборы… Вспомните, как мы выбрали Качановского…

**— Ну, скажете тоже, Качановского выбрали случайно, это стечение ряда обстоятельств…**

— Все же я не думаю, что способ формирования исполнительного органа местной власти сильно подействует на сложившуюся ситуацию. Выбирать ли всем миром или через депутатов… Смотрите, шумит какой–нибудь депутат, ходит по людям, активно выступает везде. Не удивлюсь, что при всенародных выборах горожане его и выберут. Почему? Да потому что им важно, чтобы их хотя бы слушали. А к смолянам мало кто ходит, мало кто пытается услышать их проблемы.

Рассмотрим теперь обратную ситуацию: главу города выбирает Совет депутатов. В таком случае все зависит от людей, в его состав входящих. Но, простите, что мы видим в действующем Смоленском городском Совете? То одного судят, то другого… Депутаты опустились просто ниже некуда! Ну просто ниже некуда! Скандал за скандалом, то Ершов, то еще что… Вот, читаю в газете: кто–то организовал депутатов, и они не выходят на сессию. Это же завал! Депутаты занимаются исключительно собственными делами, хотя должны решать большинство вопросов обустройства жизни города.

Ну и какой вариант выборов градоначальника в данной ситуации выбрать? Это вопрос вопросов... ■

А что вы об этом ДУМАЕТЕ?
journal.smolensk–i.ru

# Что мы знаем о Гнездове

**Владислав КОНОНОВ**

Слово «Гнездово», заданное любой сетевой поисковой системе, дает ссылки на десятки информационных сайтов: от википедии и музея–заповедника «Гнездово» до ресурса некоммерческой организации «Гардарика» и вопросов–ответов на портале mail.ru. Библиотечные каталоги дают сотни научных и популярных статей, посвященных изучению археологического комплекса. Шутка ли — научные раскопки здесь ведутся с 1874 года

## Что мы знаем

Небольшое поселение, подлинное название которого мы не знаем (но его обещал придумать Юрий Вяземский в своей новой работе), возникшее на рубеже IX—X веков, довольно быстро стало важным торгово–ремесленным и военно–административным центром. Располагался этот центр на пути «из варяг в греки» — своеобразном стержне формировавшегося Древнерусского государства. «*Учитывая весь накопленный к настоящему времени материал, мы полагаем, что масштабы Гнездова… позволяют видеть в нем тот самый «Милиниск», о котором писал византийский император Константин Багрянородный. Название «Смоленск», известное ранним письменным источникам, скорее относится к раннегородскому торгово–ремесленному центру, расцветшему вблизи современной деревни Гнездово. После того, как постепенно раннегородское поселение утратило свою экономическую и военно–административную роль, название было перенесено на незаметно существовавшее ранее поселение, расположенное выше по течению Днепра на его левом берегу*», — делают вывод ученые–энтузиасты из упомянутой «Гардарики».

Сегодня Гнездовский археологический комплекс состоит из трех тысяч древнерусских курганов, двух городищ (укрепленных поселений) и нескольких селищ и имеет не только общероссийское, но и мировое культурно–историческое значение.

Остатки строений, оружие, украшения, предметы быта, найденные на месте раскопок Гнездовского комплекса — все это служит вещественными доказательствами летописных сведений о самом древнем периоде истории нашего государства. Почти все они хранятся в Государственном историческом музее в Москве, в археологическом музее при историческом факультете МГУ, в Государственном Эрмитаже в Санкт–Петербурге. Изучение комплекса продолжается.

## Что мы видим

Неподготовленный глаз туриста пока может видеть лишь бетонную конструкцию близ Витебского шоссе (*фото на стр.2*) и указатель на дороге. Чтобы найти памятник «Гороушне» в лесной курганной группе на 13–м кургане (*фото на стр.36*), нужно обучиться азам игры в геокешинг или нанять проводника–экскурсовода. А памятник этот уникален хотя бы тем, что установлен в честь первого славянского слова, обнаруженного именно здесь нацарапанным на черепках разбитой во время погребальной церемонии амфоры. По одной из версий это мужское славянское имя, по другой — горчица, по третьей — зерна или горох. Однако не столь важно то, что обозначало это, сколько сам факт материализации кириллицы.

Тот же неподготовленный глаз туриста едва ли отличит селище от городища. Именно поэтому созданный недавно музей–заповедник «Гнездово» представил проект создания музея под открытым небом. Презентация проекта состоялась в башне Громовой, он представляет собой воссоздание внешнего облика жилых и хозяйственных поселений, создающих модель древнерусского поселения X века. Как выглядели костюмы и оружие той эпохи, смоляне уже знают: 30–31 августа в Гнездове состоится очередной (третий по счету) фестиваль исторической реконструкции и раннесредневековой культуры. Будет интересно, вот увидите. ■

Юлия МОИСЕЕВА

# Набережная. Перезагрузка

Строить набережную и вантовый пешеходный мост в Смоленске начали два года назад, летом 2011–го. Этой идеей был вдохновлен экс–губернатор Сергей Антуфьев. До сих пор многие задаются вопросом, а нужно ли было тратить баснословные деньги на набережную в то время, как в смоленских домах текут крыши и изношены коммуникации. Но никого не спросили. Сказали: «*Набережной быть!*» И все.

Первые полгода строительство шло то ли действительно интенсивно, то ли нам (смолянам) так просто казалось. Генподрядчик ООО «Аэротехстрой» взялся рьяно: быстро выкорчевали все деревья, начали земляные работы и даже соорудили бетонные конструкции. Правда, в том году мы узнали, что при строительстве набережной были использованы железобетонные сваи иных типов и более дешевых марок, чем указано в начальной проектной документации. После вскрытия данного факта было возбуждено первое уголовное дело. Затем последовало и второе.

Весной 2012 года неожиданно для смолян набережная ушла под воду. (После этого ей особо никто и не занимался — стройка на берегу Днепра замерла). Когда она освободилась от воды, движения на ней больше замечено не было. «Аэротехстрой» загубил все сроки… Надежды на то, что в Смоленске начатое грандиозное строительство доведут до конца, уже почти не было.

Затем на Смоленщине сменился губернатор — ее возглавил молодой и амбициозный Алексей Островский. Когда он давал обещание вице–премьеру Дмитрию Козаку закончить стройку, недоброжелатели усмехались.

Самое сложное было найти нового генерального подрядчика. Однако он был найден. Сейчас строительство набережной в Смоленске идет небывалыми темпами. А ведь еще пару месяцев назад большинство смолян было уверено, что объект останется «недостроем». После того, как на строительной площадке появился новый генеральный подрядчик «РЖД строй», набережная и пешеходный мост буквально ожили.

По словам главного инженера «Спецмостотреста» филиала ОАО РЖД Олега Кацевмана, главные секреты небывалых темпов строительства — это героический труд людей и слаженное взаимодействие различных ведомств. Перед «РЖД строй» стоит невероятная задача — сдать набережную и пешеходный мост к 25 сентября.

Представители «РЖД строй» отмечают постоянное участие руководства администрации области в реализации проекта. С их помощью решится проблема, которая казалась неразрешимой. На начальном этапе строительства набережной выяснилось, что в Днепр несанкционированно выведена канализация, и долгое время решить проблему не могли. Благодаря вмешательству первого заместителя

губернатора Михаила Питкевича в кратчайшие сроки на набережной появилась дюкерная машина.

— *Без помощи администрации области мы бы дюкер ждали около двух месяцев. Все сроки строительства бы прошли,* — говорит Олег Кацевман.

С помощью дюкера проделают уникальную операцию: на глубине четырех метров под руслом Днепра сделают прокол, по которому пустят канализационную трубу. Направление бурения будет выверяться через спутник.

Новый генподрядчик вынужден не только решать устаревшие проблемы, но и ликвидировать «сюрпризы» от своих предшественников. Например, люки на третьем ярусе набережной «Аэротехстроем» были выведены примерно на метр выше от проектного положения. Теперь эти бетонные «грибочки», возвышающиеся над дорожкой, предстоит демонтировать, а затем установить новые.

Так же предыдущий генподрядчик умудрился сначала открыть, а затем засыпать родник, который по проекту должен быть изящно оформлен на нижнем ярусе набережной. В результате такого халатного отношения грунт увлажнился. Приходится осушать почву. Уходит драгоценное время, которого очень мало.

При строительстве пешеходного моста также столкнулись с неприятным наследством от «Аэротехстроя». Инвентарная опора была собрана из несоответствующих проекту материалов. Нынешний подрядчик побоялся использовать такое сооружение в работе. Опора была демонтирована, а на ее месте сооружена качественная, необходимая при строительстве моста.

— *На то, чтобы разобрать старую временную опору и построить новую тоже ушло время,* — сожалеет Олег Кацевман.

К 5–му августа будет собран конструктив моста. На сегодняшний день готовы уже две третьих конструкции. (В среднем его прирост раз в три дня составляет по десять с лишним метров.) При сборке мост приподнят на три метра от проектного положения.

— *К 1-му сентября мост будет полностью собран, но он будет оставаться в приподнятом положении. Необходимо будет сделать ступеньки, и люди смогут по нему спокойно ходить,* — рассказывает Кацевман. — *А к 25-му сентября смоляне увидят полностью готовый мост в проектном положении.*

Появление нового пешеходного моста позволит провести реконструкцию автомобильного моста и в перспективе расширить дорожное полотно старого моста: сделать вместо двух полос движения три.

С набережной все сложнее. И частично работы на ней связаны со строительством моста. Как только разберут временную опору в центре моста, сразу начнется ликвидация временной насыпи перед первым ярусом набережной. Насыпь использовалась как дорога, после чего Днепр сразу станет шире на несколько метров. А в дальнейшем планируется очистка русла реки.

Из–за крайне сжатых сроков строительство набережной ведется не поэтапно, а сразу на нескольких площадках. Генподрядчик использует каждую минуту — люди на набережной работают в две смены.

Одним из красивых решений можно назвать установку на первом ярусе невысоких фонарей с гидроизоляцией, которые будут работать даже в период затопления набережной — свет будет идти «из воды».

«РЖД строй» настоял на внесении некоторых изменений в проект набережной. По плану откос от второго яруса оформлялся цветами. С учетом затопляемости набережной каждый год вымывался бы грунт вместе с этими цветами. Представители «РЖД строй» согласовали с архитекторами использование рулонного газона и многолетних деревьев. На склонах набережной скорее всего появятся шариковые и плакучие ивы и другие декоративные деревья.

Изначально планировалась, что набережная станет площадкой для достаточного длительного отдыха. С учетом этого на верхнем ярусе набережной установят стационарные лавочки, которые будут отделены друг от друга клумбами и фонарями. Лавочки будут расположены в нишах дорожек. Это сделано не только для комфорта отдыхающих, но и для удобства уборки набережной. А вот на нижнем уровне нпоявятся выносные лавочки, которые на период зимы и затопления будут убирать.

По предложению губернатора Алексея Островского в районе одного из близлежащих домов (№7) планируют построить детский городок, но это пока лишь возможная перспектива, которая не входит в начальный проект.

К сожалению, на территории набережной проектом не предусмотрены туалеты, которые являются необходимым условием для длительного отдыха. Биотуалеты в этой ситуации не выход, так как при их длительном использовании возникает отвратительный запах. Остается надеется, что власти смогут решить и эту проблему, ведь куда более сложные уже решены. ■

# Жизнь как победа

**Юрий СЕМЧЕНКОВ**

## Две ссылки, три войны и четыре марафона Ангелины Маклецовой

Хотите узнать секрет долгой, но при этом активной, энергичной и насыщенной жизни? Запоминайте: сила духа и настоящая искренняя любовь, стойкость и трудолюбие, мужество и беззаветная преданность Родине. Правильное питание и бытовой комфорт значения практически не имеют. Это не мои рекомендации и не абстрактные пафосные слова. Это проверенное временем твердое убеждение Ангелины Маклецовой. Если учесть, что Ангелина Игнатьевна, недавно отметившая девяностолетие, поет и танцует на сцене, выступает с лекциями перед школьниками города, пропагандирует здоровый образ жизни, то доверять ее советам можно безусловно. За плечами у Ангелины Маклецовой две ссылки, три военные кампании — финская, германская и японская, четыре сорокадвухкилометровых марафона, а впереди, надеемся, — еще много лет интересной жизни.

**— Ангелина Игнатьевна, когда вы слышите, как молодежь жалуется на жизнь, что думаете по этому поводу?**

— Думаю, что они дурные и трудной жизни на самом деле не видели. Я родилась в большой семье в Орловской области, у нас семья была двадцать человек. Говоря современным языком — фермерское хозяйство. Три брата, среди них мой папа, со своими семьями и дедушка с бабушкой.

**— Дружно жили?**

— Очень дружно. Нас считали кулаками, но какие мы были кулаки? До семнадцатого года у нас на хуторе все работали на помещика, потом он сбежал, и его землю разделили на всех крестьян.

У нас семья большая — земли досталось много. Я ни разу не видела своего папу, своих дядей, чтобы они курили и пили, а вот сосед пил, а весной приходил просить у папы овса или проса посеять. Папа всегда выручал, но, видно, по злости люди наговорили, что, мол, мы кулаки. Какие кулаки? В лаптях ходили, все трудились день и ночь. Да, были два кирпичных дома, соединенных между собой, но: земляной пол, длинный стол, скамейки. Ели из огромного общего таза деревянными ложками. Три коровы на двадцать человек, разве это много? Надо ведь было как–то прокормиться такой большой семье. Каждый имел свои обязанности. Взрослые в поле, а мы, дети, по дому. У меня в пять–шесть лет тоже была своя работа. Летом ходила в сад собирать яблоки в корзину, хорошие складывала в шалаш, плохие — скотине на корм. А вечером должна была обойти все куриные гнезда, собрать осторожно яйца. Взрослые приходили с поля, у нас уже все готово. Вы представляете, сколько соломы нужно было перетаскать, чтобы громадный чугун щей сварить?

**— Соломой печи топили?**

— Да, и подумайте, сколько ее нужно сжечь, чтобы, например, испечь хлеб. Сейчас я даже не представляю, как мы все это делали…

И вот однажды в декабре тридцатого года понаехало к нам во двор много повозок. Какие–то люди взламывали амбары, отбирали зерно, бросали на сани и увозили свиней и овец, уводили коров, лошадей. Увели скот, а потом и нас на сани побросали в чем есть, не разрешили взять с собой ничего, даже сменного белья.

Помню как сейчас, папа пытался взять в дорогу мешок хлеба, и чиновник какой–то с тростью в руках, в белоснежной шубе, в хромовых сапогах, в галифе спросил: «*Кулак, что ты тащишь*?» — «*Хлеба детям в дорогу*». Тогда он и со словами «*Быстрее кулаки подохните*» отобрал мешок с хлебом у папы, ударив его тростью по спине.

Привезли нас на станцию. Длинный–длинный товарный состав, в котором скот перевозили. Погрузили нас как скотину в

холодные вагоны с нарами и повезли.

**— Вы все эти подробности помните?**

— Все очень хорошо помню, как сейчас. Останавливают состав в чистом поле, пьяные конвоиры кричат: «*Выходите по нужде! От вагонов не отходить! Иначе будем стрелять*». Два молодых человека постеснялись и немного отошли от своего вагона, тут же раздались выстрелы, и два трупа остались на снегу. После этого, конечно, никто никогда от вагона на остановках не отходил. Привезли нас в Вологду, выгрузили. Мужчин построили отдельно и, не дав даже проститься с семьями, куда–то угнали. А нас с матерями привезли на санях в какую–то церковь. Нары из промерзших досок были построены под самый купол. Дети, старухи, плач, стоны. Потом люди немного успокоились, и тут новая напасть — доски начали оттаивать, полилась вода. Вся наша одежда — платья, рубашки — были насквозь мокрые, сушить их негде, печей нет. Есть приносили один раз в сутки. Хлеб отмеряли обломанной спичкой, то есть каждая пайка была размером меньше чем длина спички. В туалет выводили под конвоем. В этой церкви мы просидели всю зиму. От тифа, от голода двадцать–тридцать человек каждый день умирали, их заворачивали в тряпки и куда–то уносили. Из нашей семьи в эту зиму умерли четверо детей и мама.

А весной нас, троих детей, вернули домой, как раз под Пасху. Получается, вспомнили, что дети не виноваты, кулаки кулаками, а дети за что страдают? Опомнились, когда почти все дети поуми-

рали. Повезли нас домой, и, что вы думаете, мы пошли работать в колхоз.

Папу тоже отпустили в тридцать первом году. Он неграмотный был, но буквально прикован к земле. Папа, наверное, землю больше любил, чем маму. Он тоже пошел в колхоз работать.

Изо дня в день ходили на работу, хотя есть нечего было, сами голые, босые. И я пошла работать вместе со всеми.

**— Вам же восьми лет еще не было.**

— И что? Я наравне со всеми взрослыми ходила на прополку. А в тридцать третьем страшный голод начался по всей России. Весь конский щавель на лугах поели, с дуба мох сдирали и ели его. Но в колхозе работали.

Пришло время зимой подсчитывать трудодни. У нашей семьи — больше всех. И на собрании вместо того, чтобы сказать: «*Вот они после ссылки не озлобились, с них пример нужно брать*», сказали: «*Что это такое? У них больше всех трудодней, они же больше хлеба получат, опять кулаками станут*». Хлеба не дали, и без матери в рваных лаптях погнали в Карелию.

**— Опять в ссылку?**

— Да. Всю зиму гнали по этапу. Как я выжила — не знаю. Видимо, от природы такая выносливая. Заключенных из бараков перегоняли, и нас на их места — в бараки. Так от Орловщины до Карелии. К весне пригнали к Финскому заливу, до сих пор помню — тюлень там плавал. Завезли в Медвежьегорский район в глухую непроходимую тайгу. В Вологде нас вши заедали, а тут болота, тучи комаров. Поставили палатки, сделали нары, и мы лето провели в палатках, а к зиме выстроили какие–то домики.

Но самым памятным для меня из тех времен осталось общение с политзаключенными. Это ведь были сливки нашего общества, они головами должны были работать, а они пилами на лесоповале работали. Это страшно. Их лагерь находился от нашего километрах в пяти. Казалось бы, какое им дело до переселенцев. Он сам заключенный, получает на день одну селедку, небольшую пайку хлеба и неимоверную норму на лесоповале. Но они даже среди ночи приходили к нашим мужикам и говорили, что Россию спасать надо, детей учить надо, иначе Россия пропадет. Вот где настоящие патриоты Родины были, их бы нам сейчас, и наша страна бы была совершенно другой. Но и тогда наши мужики построили школу, а политзаключенные выделили из своего коллектива самого, видимо, высоко образованного человека, который разбирался во всех науках. Я его никогда не забуду. Генрих Диль, поволжский немец. И вот он нас

учил, а остальные за него его норму выполняли, потому что иначе — расстрел. Диль нам преподавал математику, физику, химию, немецкий язык. Как он один все успевал — не знаю, в школе было несколько классов по возрастам.

*«Дети, помогайте друг другу в тяжелые моменты жизни. Дети, выручайте друзей, тогда вы вырастите настоящими людьми. Дети, никогда не предавайте друзей»*, — вот так он говорил, и его трясло даже на этих словах. Это я потом уже узнала, что его друг какой–то предал.

**— Сколько вы успели в этой школе поучиться?**

— Я благодаря этой школе в тридцать восьмом годку поступила в фельдшерско– акушерскую школу в Петрозаводске. А Генрих Диль преподавал до тридцать седьмого года. Однажды приходим на занятия, а Диля нет, его расстреляли. Мы все ревели тогда, и сейчас я когда его вспоминаю, реву. Это самый дорогой человек для меня был, вместо отца и вместо матери. Я его до конца жизни буду помнить. Он о советской власти ни звука никогда не произносил, имя Сталина мы от него никогда не слышали. До сего времени не могу понять, зачем его нужно было расстреливать.

**— Ангелина Игнатьевна, была ли тогда у вас какая–то злость, обида на власть?**

— Если бы хоть какая–то злость была, разве я пошла бы армию? А я пошла Родину защищать даже не задумываясь. В тридцать девятом году началась финская кампания, и я ее испытала на себе. Техникум наш закрыли, и я пошла в госпиталь работать. На улице минус сорок три, а наши солдатики в ботиночках, в обмотках, в шинельках. Представляете? Они на улицах замерзали как мухи. Все медицинские учреждения были забиты не столько ранеными, сколько обмороженными.

**— Финская война стала вашей первой войной…**

— А в сорок первом году о войне никаких разговоров не было. Уже все хорошо, хорошая погода, солнце, цветы, радостные люди. Мы уже два госэкзамена сдали, стали готовиться к третьему. И вот в ночь с двадцать первого на двадцать второе июня я вижу сон (а воскресные сны сбываются до обеда, имейте в виду, если до обеда не сбылся — сон впустую). Летят два черных коршуна, один со стороны Ленинграда, другой с финской стороны. Встречаются эти птицы над чугунным мостом и начинают биться. Все люди высыпали из домов и с открытыми ртами стоят, переживают — какой победит, наш или финский. Долго бились. Наш победил, а финский под мост полетел с самолетным ревом. Я проснулась — четыре часа утра. Бегу по коридору, сидит

сторожиха. Я к ней, и начинаю ей рассказывать. Она и говорит: «*Деточка, война будет*». Да какая война. Я вернулась в комнату, уснула. Утром встали, позавтракали, взяли учебники и пошли готовиться к экзамену. В одиннадцать часов нас всех директор собирает на построение и объявляет, что началась война, в четыре часа утра бомбили Киев, финская граница рядом, а финны на нас очень злые. Говорит, что сестринскую медицинскую практику мы прошли, что война быстро кончится, а сейчас нас пока распускают по домам. Но девочкам двадцатого и двадцать первого годов рождения дали повестки в военкомат. И я отправилась с ними. Подошла к военкому: «*Я тоже хочу на фронт. Не боюсь никакой работы, буду работать день и ночь*». Буквально со слезами. Он отвечает, что придет ваш год призыва, тогда пойдете. Нет, я сейчас хочу. Так я попала на фронт.

Первое место службы было под Медвежьегорском, а в октябре я получила свое первое боевое крещение, когда нас бомбили и расстреливали с самолетов при переезде госпиталя. Потом меня откомандировали на Карельский фронт. Строили землянки, пилили лес для отопления. Печи из бочек железных были сделаны, топить их нужно было круглые сутки. Госпиталь полевой, раненые нетранспортабельные, кормили их с ложечки.

Я о чем сейчас думаю? Я несколько лет отвоевала, а осталась цела и невредима. Мне всю жизнь Господь помогает, я ведь родилась на Троицу.

Давайте я вам лучше не про войну, а про любовь расскажу, хотите?

**— Конечно.**

— У меня первая группа крови, универсальная для переливания. И часто кровь переливали раненым напрямую. Меня укладывали на кушетку, раненого — на каталку. И в очередной раз один раненый при переливании крови начинает приходить в себя, открывает глаза — а они такие необыкновенные, карие. Так эти глаза понравились, просто не могу. Судьба. Подлечили его, отправляют в тыл, а он перед отъездом говорит: «*Дайте адрес той сестрички, от которой мне кровь переливали. У меня три брата, а теперь вот и родная сестра будет*». И с нашим полевым военным адресом он уехал.

Первое письмо я от него получила, когда он был уже в Иркутске, а мы были в Латвии. И пошло–поехало. А у меня тогда с родными никаких связей не было, и я так была рада, что появился родной человек. Эти письма были такие хорошие, я от радости плакала. Переписывались мы больше трех лет.

Войну я закончила в Румынии, и некоторое время наша часть там стояла. Получала письма ежедневно. Война закончилась, раненых уже не было, и там у нас была уже возможность ходить на танцы. А я танцевать люблю безумно. Но ни одного раза на танцы не сходила, за всех девчонок дневалила. Представьте, молодые офицеры, красавцы. У нас там многие девчонки замуж вышли. А я думала, что я полюбила этого человека по письмам, и он мне признался в письмах в любви, как же я могу его обманывать. И говорили мне, что пока ты тут сидишь, у него, небось, там семья и дети, а тебе он просто мозги пудрит. А я — нет и все, не могу предать.

Потом нашу часть с началом японской кампании перебросили на Дальний Восток. Там я пошла работать в госпиталь, но как–то раненых поступало мало, быстро мы с Японией закончили. По сравнению с германским фронтом скучно прямо. Пишу письмо в Читу, делать, мол, нечего, а когда демобилизуют — неизвестно. И мой любимый с моим письмом пошел в военкомат. Так и так, сейчас на фронте девочки без работы, а в тылу раненых полно, медицинского персонала не хватает, может быть, раньше можно демобилизовать? Видимо, письмо мое и его просьба пошли по инстанциям, и меня вызывают в штаб армии. Есть у вас брат в Чите? Есть. Вот он беспокоится, чтобы вас пораньше демобилизовать, хотите? После четырех лет войны без единого выходного, конечно, хочу. И меня раньше всех, правда только на неделю, демобилизовали. Приехала я в Читу, он меня встретил, на второй день мы пошли и расписались. И стали жить–поживать и детей наживать. Вот такая история.

**— Можно только позавидовать. А как в Смоленске оказались?**

— За время беременности в Чите немного посадила здоровье. Есть было нечего. Как я хотела яблок! А где яблоко в Чите найдешь? И врачи посоветовали поменять климат. В шестидесятом году мы и переехали в Смоленск. А в Смоленске мне показалось еще хуже. Переехали осенью — дождь со снегом постоянно. Потом по радио в шестьдесят четвертом году услышала однажды, что набирается группа здоровья. Ой, думаю, пойду. Работала я в об-

ластной больнице, жила на улице Кирова, а занятия группы были в физинституте. Все рядом, и я пошла. Гимнастика, легкая атлетика, бассейн, коньки, лыжи. А потом занялась бегом.

**— Всеми видами спорта занимались.**

— Всеми–всеми. Я столько лыж поломала институтских. Потому что ничего не боялась, с любой горы скачусь. Ну и часто лыжи пополам. Ругал тренер, конечно, но лыж тогда давали много, хорошо было. На коньках спортивных даже на соревнованиях участвовала. Только лет шесть назад коньки бросила.

**— Подождите, получается, в восемьдесят пять лет вы на коньках еще катались?**

— Да я и сейчас бы каталась. Не хожу на каток только потому, что боюсь, как бы не сбили подростки какие–нибудь. А по бегу каждый год принимала участие в нескольких соревнованиях. Я на четырех марафонах была: в Архангельске, дважды на Московском марафоне и в Киеве. В общем, на месте никогда не сидела, бегала, прыгала, скакала. Я с семи лет физически работаю. Тридцать четвертый год хожу в хор «Боевые подруги», по школам с лекциями выступаю. Меня часто приглашают выступить перед школьниками, я им стараюсь рассказать про спорт, про здоровый образ жизни, чтобы не пили, не курили, наркотики не употребляли.

**— И все–таки, что самое главное нужно, чтобы оставаться такой веселой, бодрой и заводной?**

— Я так скажу — никому не желать зла.

**— Ангелина Игнатьевна, а какой период своей жизни вы считаете самым счастливым?**

— У меня самое счастливое время в жизни — это сейчас. Я, например, в 2010 году была на параде Победы в Москве и на торжественном приеме в Кремле. Смоленск два человека представляли. Тогда Вовченко Виталий Владимирович большую роль сыграл в организации этой моей поездки. Сказал, что же мы все время только мужчин посылаем, а женщины что, не воевали? И когда Путин и Медведев в зал вошли, я своим соседям по столу говорю, что я пойду от города–героя Смоленска с ними поговорить, кто–то же должен был это сделать.

**— Вы до сих пор бесстрашная женщина.**

— Подошла к Путину, он тогда премьер–министром был, поблагодарила его.

**— За что?**

— В первую очередь, за то, что сейчас ветеранов войны в последний путь отправляют с такими почестями, что раньше и ни думали.

Я своего мужа хоронила в семьдесят седьмом году, мне никто даже не позвонил. Зарплата у меня была 94 рубля, я потом лет пять по долгам расплачивалась. Я Путину очень благодарна, как только он пришел к власти, участников войны стали хоронить бесплатно.

Поверьте, для пожилых людей это очень важно. Мы же все на похороны собираем. А сейчас ветеранов и похоронят очень достойно и памятник поставят.

Еще ему спасибо сказала за то, что он расплатился по долгам России, иначе, как я считаю, у нас сейчас не то, что зарплаты, пенсии бы не было. Так ему и сказала.

**— А он?**

— Сказал, что это я правильно говорю. ■

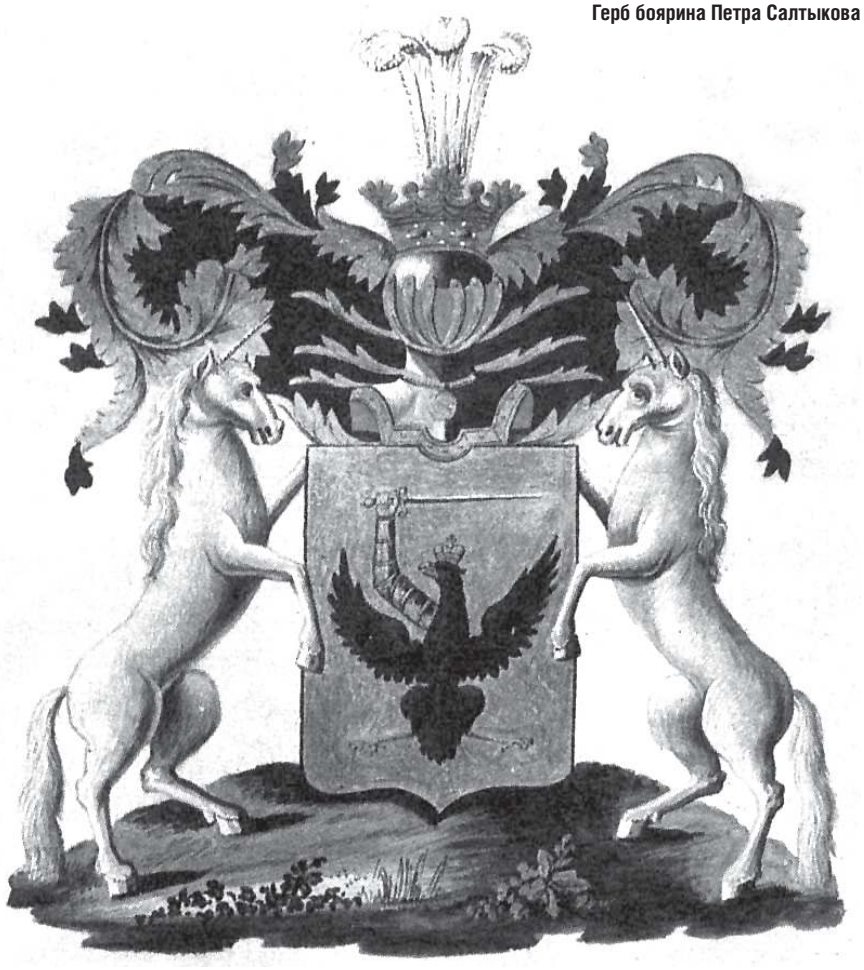
# Вершители смоленских судеб

**Антон САВЕНОК**

В этом номере журнала «О чем говорит Смоленск» мы продолжаем рубрику, посвященную известным историческим личностям, чья жизнь и деятельность так или иначе была связана со смоленской землей. Сегодня рассказ о людях, коим волею судьбы довелось управлять Смоленщиной. В отличие от художников, писателей, музыкантов и артистов дать однозначную и объективную оценку деятельности политиков во все времена было крайне сложно. И чем крупнее, масштабнее личность политика, тем больше он вызывает осуждений, сплетен и пересудов среди обывателей. Поэтому мы решили рассказать о четырех видных губернаторах Смоленщины исторического периода до 1917 года и четырех руководителях региона советского периода времени. Какие плюсы или минусы вы откроете для себя в их деятельности — это уже ваш выбор.

Неоценимую помощь в подготовке этого материала оказала книга Владислава Кононова «Смоленские губернаторы» и биографический справочник «Руководители Смоленской области (1917—1991 годы)» издания ОГУ «Государственный архив Смоленской области»

**Герб боярина Петра Салтыкова**



# Петр Салтыков

## годы правления: 1708—1713

Первый смоленский губернатор — боярин Петр Самойлович Салтыков. Род Салтыковых берет свое начало от выехавшего из Пруссии в Новгород в начале XIII века Михайлы Прушанина. Его сын Терентий был боярином князя Александра Невского и участвовал в Невской битве. Непосредственный же родоначальник фамилии Салтыковых — потомок Прушанина в VIII колене, Михайло Игнатьевич Морозов–Салтык. В начале XVII столетия его правнук, боярин Михайло Глебович (по прозвищу Кривой) перешел на службу к польскому королю Сигизмунду III и получил от него большие поместья, близ Дорогобужа в принадлежавшем тогда Польше Смоленском воеводстве. Внуки Михайлы Глебовича вернулись в российское подданство после возвращения Смоленска России в 1655 году. Одним из

них был Самуил Петрович Салтыков, отец будущего смоленского губернатора.

Возвышению рода Салтыковых в конце XVII века способствовало их родство с царской фамилией — двоюродная сестра Петра Самойловича Прасковья Федоровна была женой Ивана Алексеевича, брата Петра I.

Даты жизни первого смоленского губернатора точно неизвестны. В 80–х годах XVII века Петр Самойлович упоминается в чине стольника, в 1684 году ему вместе с братом Иваном было пожаловано село во Владимирском уезде в 386 дворов. В 1697 году возведенный в бояре Петр Салтыков был назначен воеводой в Смоленск. Петр I называл Петра Самойловича губернатором еще до принятия указа об учреждении губерний, например, в своем письме к Салтыкову от 24 февраля 1706 года, где просил его содействовать устройству засечной полосы от Смоленска до Пскова.

Петр I неоднократно посещал Смоленск: в августе 1698 года; январе, марте и июле 1706 года; январе и октябре 1708 года. Известно, что в Смоленске, в Вознесенском монастыре, обучалась грамоте будущая жена царя Алексея Михайловича и мать Петра I, Наталья Кирилловна Нарышкина. По свидетельству летописца Никифора Мурзакевича, в 1693 году Петр Алексеевич приказали Салтыкову построить на территории Вознесенского монастыря каменную двухэтажную церковь и колокольню при ней, «*что совершено было в два года*». Во время урагана в августе 1697 года сильно пострадала и эта церковь, и многие другие постройки в Смоленске, в том числе крепостная стена. Сразу же после стихийного бедствия по указу Петра I была исправлена стена и кровли на житных амбарах и зданиях Вознесенского монастыря, остальные же последствия урагана повелено было ликвидировать позже.

Частые визиты Петра I в Смоленск в начале XVIII века были связаны с активной внешней политикой монарха, в частности, с войной против Швеции за выход к Балтийскому морю. Смоленск являлся одним из главных мест, из которых монарх руководил строительством оборонительных сооружений на западных и юго–западных границах России. Эти укрепления (так называемые засеки, или засечные полосы) должны были преградить путь войскам шведского короля Карла XII, похвалявшегося «*пройти чрез Смоленск, овладеть Москвою и дать в ней своим Генералам обеденный стол*». В 1706 году по указанию Петра в Смоленске на правом берегу Днепра начали строить кронверк — земляное укрепление, защищавшее мост (построен в 1724 году). Смоленский воевода принимал активное участие в военно–хозяйственной деятельности российского монарха: помимо содействия устройству засек он руководил строительством грузовых и зажигательных судов, заготавливал провиант для армии, снаряжал в походы смоленскую шляхту.

По указу Петра I от 18 декабря 1708 года ко вновь образованной Смоленской губернии причислялись следующие города: Дорогобуж, Белый, Рославль, Вязьма, Серпейск, Масальск, Мещевск, Зубцов, Погорелое Городище, Старица, Козельск, Лихвин, Борисово Городище, Перемышль, Воротынск, «*да из Киевской губернии приписать вместо Трубчевска Одоев.… Всего в Смоленской губернии 17 городов*». Таким образом, при первом административно–территориальном делении России Смоленская губерния включала в себя территорию губернии по состоянию на начало XX века, южную половину Калужской и части Тверской и Тульской губерний.

Губернская реформа проводилась постепенно. В марте 1709 года всем воеводам и бурмистрам было предписано подготовить приходно–окладные и денежные книги, которые они должны были передать губернаторам в начале следующего, 1710 года. Кроме этого, воеводы и бурмистры обязывались ознакомлять вновь назначаемых губернаторов с по-

**Смоленская крепостная стена сильно пострадала во время урагана в августе 1697 года**

рядком делопроизводства и предоставлять любые сведения по их требованию.

В 1710 году был упразднен приказ княжества Смоленского. К этому времени образовалась губернская канцелярия, к которой и перешли вопросы управления Смоленской губернией. Официальный указ о назначении смоленским губернатором бывшего смоленского воеводы, боярина Петра Самойловича Салтыкова, был издан 6 марта 1711 года.

Главным направлением деятельности Петра Самойловича как губернатора в 1711—1713 годах стал строжайший контроль за проведением рекрутских наборов (также, как и для остальных губернаторов на начальном этапе реформы). Такой вывод можно сделать, если обратить внимание на указ Петра I от 1 февраля 1711 года, предписывавший наказывать губернаторов как изменников и предателей Отечества за «*невысылку рекрут к назначенному сроку*».

В 1713 году Петр Самойлович Салтыков был перемещен на должность казанского губернатора, а в 1719 году из–за болезни вынужден был просить увольнения от службы. Вскоре после свой отставки он умер.

Личность Петра Салтыкова заметно выделялась на фоне других первых российских губернаторов. Все они были ближайшими соратниками (зачастую родственниками) Петра I и имели немалые заслуги перед Отечеством. И в то же время немногие из них отличались честностью. Причину массовых злоупотреблений первых губернаторов нельзя видеть только в недостаточности или нерегулярности выплаты им жалования — «классическом» оправдании во все времена не чистых на руку чиновников. Рост казнокрадства и взяточничества в эпоху больших преобразований вызывается общим цивилизационным кризисом, кризисом человека. В начале XVIII века люди поколения «птенцов гнезда Петрова» с жадностью стремились к научным знаниям и передовой культуре, «*и не менее жадно — к личному обогащению, …проявляя чудеса трудолюбия и личной храбрости и не меньшие чудеса алчности и беззастенчивого грабительства*». Петр Салтыков был представителем этого нового поколения. Но ему удалось найти разумный баланс между своими сугубо эгоистическими интересами и интересами, которые приходилось отстаивать, находясь на «государевой» службе.

**В 1693 году Петр I приказал Салтыкову построить на территории Вознесенского монастыря каменную двухэтажную церковь и колокольню при ней**

# Николай Репнин

## годы правления:
## 1778—1782
(Смоленский и Орловский генерал–губернатор)
## 1782—1792
(Смоленский и Псковский генерал–губернатор)

По словам сенатора и известного мистика Ивана Лопухина, Репнин был «*одним из тех великих мужей, истинных героев, любителей высочайшей добродетели, которых деяния читаются в истории с восторгом удивления и коих величию не понимающие совершенства добродетели не имеют силы верить*». Один из самых ярких деятелей Екатерининского времени, весь жизненный путь которого был «отражением духовной жизни эпохи в лучших ее исканиях», Николай Васильевич Репнин находился на должности Смоленского и Орловского (а затем — Смоленского и Псковского) генерал–губернатора в 1778—1792 годах.

Княжеский род Репниных происходил от великого князя черниговского Михаила (XVII колено от Рюрика). Родоначальником Репниных стал его сын, Иван Михайлович Оболенский, по прозвищу Репня.

Дед Николая Репнина, Аникита Иванович (1668—1726) был ближайшим соратником Петра I, участником Северной войны и первым рижским губернатором. Сын Аникиты Ивановича, Василий Аникитьевич, был генерал–фельдцейхмейстером и обер–гофмейстером Двора великого князя Петра Федоровича, его воспитателем и заведующим шляхетным кадетским корпусом.

Николай Репнин родился 11 марта 1734 года, начальное воспитание получил под присмотром матери. В одиннадцатилетнем возрасте он был записан в лейб–гвардии Преображенский полк, а спустя три года получил первое боевое крещение, приняв участие в походе русской армии за Рейн под командованием своего отца. В 1749 году Репнин был произведен в прапорщики, в 1751 — в подпоручики гвардии, а два года спустя назначен полковым адъютантом Преображенского полка. После этого он несколько лет прожил за границей, где «получил дельное немецкое воспитание». С началом Семилетней войны (1756 год) Николай Васильевич вернулся в Россию и вступил волонтером в армию под командованием Апраксина. В год окончания войны Репнин был произведен в генерал–майоры (предыдущее его повышение состоялось в 1760 году, тогда он получил чин полковника).

Николай Репнин удачно совмещал военную деятельность с дипломатической. В июне 1762 года он был направлен в Пруссию «для переговоров о созыве конгресса в Берлине для соглашения с датским Двором голштинских дел». Репнин произвел на прусского короля огромное впечатление, понравившись ему «*своей прямотой — настоящей, а не напускной, своим*

*тактом, сдержанностью, отсутствием старания… выпытать что–нибудь в частном разговоре и своей сговорчивостью*». Там он познакомился с боевой и дипломатической школами Фридриха II. В ноябре 1763 года Екатерина II назначила Репнина «полномочным министром в Польшу», где он в течение пяти лет управлял всеми польскими делами и фактически был «королем» при российском ставленнике Станиславе Понятовском. За свою дипломатическую деятельность Николай Репнин был награжден орденом святого Александра Невского и чином генерал–поручика.

С 1768 года до 1778 года Николай Васильевич участвовал в русско–турецкой войне, войска под его командованием неоднократно одерживали крупные победы над противником. В 1774 году он был произведен в генерал–аншефы и подполковники лейб–гвардии Измайловского полка и получил 50 тысяч рублей «на устройство денежных дел». В 1775—1776 годах Репнин возглавлял русское посольство в Турции.

Спустя почти два года после возвращения в Санкт–Петербург Репнин получил свое новое назначение: Смоленским, Орловским и Белгородским генерал–губернатором. Официальной датой назначения на эту должность можно считать 28 февраля 1778 года. В этот день состоялся именной указ Екатерины II, в котором Репнину повелевалось Орловскую губернию «*не упуская времени объехать, и по данному от Нас примерному росписанию оной на 12 уездов на месте удобность их освидетельствовать, и как о сем, так и какие вновь города для приписания к ним уездов назначить нужно будет, Нам самолично представить*».

По исполнению этого поручения, 5 сентября того же года Репнин получил новое задание: открыть Орловское наместничество.

В мае 1778 года Екатериной II были утверждены и переданы «для исполнения по оным» генерал–губернатору планы городов Смоленска и Гжатска. Но чтобы «*регулированием улиц, новыми площадьми и новым казенным и публичным строением не подвергнуть нынешнего каменного и хорошего строения к ломке*», эти планы были исправлены Репниным и вновь утверждены императрицей в ноябре 1779 года, вместе с планами других городов Смоленского и Орловского наместничеств.

В январе 1780 года императрица утвердила доклад Сената «О гербах городам Смоленского наместничества». В этом же году Екатерина II вместе с австрийским монархом Иосифом II посетила Смоленск. В Смоленске она пробыла три дня, однако этот краткий визит видоизменил административный центр города. Императрица указала смоленскому генерал–губернатору Николаю Репнину, что присутственным местам «*не приличествует находиться рядом с обывательскими домами невзрачной наружности*». Генерал–губернатор, пользуясь случаем, «испросил» от императорского двора средства на переустройство Блонье, которое было превращено в площадь для обучения войск («плац–парад»); «обывательские дома» отсюда перенесли в Солдатскую Слободу (район между современной улицей Дзержинского и Чуриловским оврагом). На Блонье, перед площадью выстроили шестнадцать двухэтажных зданий — «*девять корпусов для судебных мест, а прочие домы употреблены для пребывания Генерал–Губернатора, Губернатора, Вице–Губернатора, для приватных особ, под Аптеку, под Банковую Контору и для зала Дворянского собрания*». По отбытию из Смоленска императрица удостоила Николая Васильевича «милостивым рескриптом» за «…*виденное повсюду благое устройство и следы точного исполнения ее установлений*».

В мае 1781 года указом Военной коллегии Николай Репнин был пожалован в генерал–адъютанты и в этом же году вместо Орловского получил в управ-

**Генерал–губернатор Репнин «испросил» от императорского двора средства на переустройство Блонье, которое было превращено в площадь для обучения войск**

ление Псковское наместничество. В марте 1783 года, сохраняя должность Смоленского и Псковского генерал–губернатора, назначен командующим резервными войсками в Польше. Годом ранее он был награжден орденом святого Владимира I класса, в 1784 году — бриллиантовыми знаками Андрея Первозванного.

Время генерал–губернаторства Николая Репнина совпало с новым этапом в развитии грамотности и просвещения в России. Согласно «Учреждению» 1775 года, в каждом наместничестве открывались приказы общественного призрения, которые кроме заведования благотворительными учреждениями осуществляли «*попечение и надзирание о установлении и прочном основании народных школ*». Народные («градские») школы в городах Смоленского наместничества были открыты в 1779 году в самом Смоленске, Вязьме, Рославле, Белом. Будучи высшим представителем правительственной власти в Смоленском наместничестве, Репнин заботился об увеличении численности учащихся. Именно такое пожелание он высказал градскому главе Вязьмы Лаврентию Гайдукову после того, как сам провел экзамен ученикам местной школы (оставшись при этом довольным их познаниями) в 1780 году.

Высочайшим указом от 12 августа 1786 года всем российским генерал–губернаторам предписывалось открыть в управляемых ими наместничествах всесословные и бесплатные народные училища. Открытие двадцати пяти Главных народных училищ в губернских центрах было приурочено к очередной годовщине со дня коронации императрицы (22 сентября).

Открытие народного училища в Смоленске, состоявшееся 22 сентября 1786 года, проходило с «необычайным торжеством». В церемонии открытия кроме самого Репнина принимали участие епископ Смоленский и Дорогобужский Парфений, правитель Смоленского наместничества Платон Храповицкий, члены приказа общественного призрения и другие «виднейшие в городе лица». Ученики для смоленского народного училища в количестве сорока восьми человек были «взяты силою власти» из упраздненной градской школы. Расположилось же училище в бывшем доме наместнического правления, переданном после постройки присутственных мест на Блонье приказу общественного призрения (место, где ранее находилась приказная изба, а затем губернская канцелярия: на пересечении современных

Высочайше утвержденъ:
10-го Октября 1780 года.
Смоленскаго Намѣстничества.

Смоленскъ.

Смоленской губерніи. Губернскій

Въ серебряномъ полѣ черная пушка на золотомъ л
фетѣ, а на пушкѣ райская птица.
(Старый гербъ).

улиц Большая Советская и Козлова). Кроме Главного народного училища в Смоленске подобные учебные заведения в 1786—1788 годах были открыты в Поречье, Вязьме, Гжатске, Рославле, Белом.

По окончании очередной русско–турецкой войны (1787—1791 гг.), в которой Николай Репнин принимал участие, оставаясь Смоленским и Псковским генерал–губернатором, он подал императрице прошение об отставке, которое было удовлетворено 16 января 1792 года.

Николай Репнин был женат на княгине Наталии Куракиной, от брака с которой у него было три дочери и один сын, умерший в 1774 году. Указом Правительствующему Сенату от 12 июня 1801 года Александр I предписал «*чтобы родной внук князя Репнина, князь Николай Волконский принял его фамилию*» и разрешил взять фамилию Репнина внуку Николая Васильевича (по дочери Александре), Николаю Волконскому, дабы «*да род князей Репниных, столь славно Отечеству послуживших, с кончиной последнего в оном не угаснет, но, обновясь, пребудет навсегда с именем и примером его*».

# Николай Хмельницкий

## годы правления: 1829—1837

Николай Иванович Хмельницкий был прямым потомком гетмана Украины Богдана Хмельницкого. Несмотря на свои заслуги, род Хмельницких не попал в ряды малороссийской знати, его украинские владения были даже конфискованы московским правительством. В конце XVIII века императрица Екатерина II, «отчасти осознавая несправедливость такого положения», распорядилась выдать крупное единовременное денежное пособие прямому потомку Богдана — Ивану Парфеновичу Хмельницкому. На эти средства им вскоре в 3–й Адмиралтейской части Петербурга был построен дом, в котором 11 августа 1789 года родился будущий смоленский губернатор.

Отец Николая, доктор философии Кенигсбергского университета Иван Парфенович Хмельницкий, всю свою жизнь посвятил науке. Его магистерская и докторская диссертации под названием «Рассуждения об основаниях философических» и «Опровержение на одно рассуждение Шлегеля» были напечатаны на латинском языке в 1762 году в «Гамбургских ведомостях».

Службу Николай начал в десятилетнем возрасте в 1799 году, когда был зачислен канцеляристом в канцелярию министерства уделов. Через три года его произвели в сенатские регистраторы, а по окончанию кадетского корпуса он был определен с тем же чином в Государственную коллегию иностранных дел. Хмельницкий в совершенстве владел французским и немецким языками — и в 1806 году он числится уже переводчиком коллегии.

19 февраля 1808 года Николай Хмельницкий получил высочайшее повеление от императора Александра I отправиться «для иностранной переписки» к главнокомандующему Финляндской армией, генералу от инфантерии, графу Буксгевдену; в июле этого же года его произвели в коллежские асессоры. В январе 1811 года Хмельницкий по собственному прошению был уволен из коллегии иностранных дел и определен на службу в департамент министерства юстиции. На новом месте он пробыл недолго, в связи с начавшейся войной с Францией в июле 1812 года вступил в Санкт–Петербургское ополчение и сначала

находился при главнокомандующем фельдмаршале князе Кутузове–Смоленском, назначившим его своим адъютантом, а потом в этой же должности — при преемнике Кутузова бароне Меллере–Закомельском.

По окончанию военной кампании в конце 1814 года Николай Хмельницкий был определен в департамент министерства юстиции к прежнему месту службы. Начиная с этого времени и вплоть до своего назначения в Смоленск, Хмельницкий активно занимался литературным творчеством. Каждый год, до самого назначения смоленским губернатором, он ставил на петербургских сценах свои комедии и водевили, обретая все больший успех у зрителя.

В 1829 году водевиль Хмельницкого «Новый Парис» был сыгран на сцене Императорского театра в Москве.

Отдельные элементы сюжетов произведений Хмельницкого заимствовали и обыгрывали Пушкин и Гоголь. Творчество Хмельницкого подготовило почву для появления комедии Грибоедова «Горе от ума».

Но вернемся к его служебной карьере. В 1818 году петербургский генерал–губернатор граф Милорадович пригласил Хмельницкого на должность экспедитора в свою канцелярию. Довольно скоро Николай Иванович стал правителем канцелярии петербургского военного губернатора. Покровительство со стороны высокопоставленного графа не было беспричинным. Хмельницкий, руководя канцелярией петербургского военного губернатора, подготовил и издал «справочник, необходимый для каждого администратора и юриста» — «Руководство к ведению русских законов». Это была одна из первых попыток обобщения и систематизации русского законодательства (первое издание Свода Законов Российской Империи вышло только в 1842 году).

В августе 1824 года Николай Хмельницкий по собственному прошению был уволен из канцелярии петербургского генерал–губернатора и назначен в министерство внутренних дел для исполнения особых поручений, суть которых сводилась к периодическим ревизиям разных губерний.

События на Сенатской площади Петербурга в декабре 1825 года лишили Хмельницкого высокого покровителя. В феврале 1826 года Николай Иванович сам отважился обратиться с прошением к Николаю I: «*…повелите ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ ГОСУДАРЬ! согласно воле покойного Графа Михаила Андреевича определить меня с чином Действительного Статского Советника в Обер–Прокуроры Правительствующего Сената, или же Губернатором в какую–либо из Великороссийских Губерний, каковую должность, по близкой известности мне части Губернского Управления, я бы мог выполнять с лучшим успехом…*».

Только через три года, 24 февраля 1829 года, последовал высочайший ответ: «*…находящемуся не у дел Статскому Советнику Хмельницкому ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ ПОВЕЛЕВАЕМ быть в должности Смоленского гражданского губернатора*».

Смоленская губерния к концу 20–х годов XIX века все еще не могла оправиться от разорения, причиненного ей во время наполеоновского нашествия. Хмельницкий, прибыв в мае 1829 года в Смоленск (как сообщает дореволюционный краевед Иван Орловский), «*был неприятно поражен разоренным видом Смоленска, его пустырями, грязными площадями, развалинами стены и башен*». Обстоятельный доклад о бедственном положении дел был представлен новым губернатором императору Николаю I, бывшему в том же 1829 году проездом в Смоленске. 6 января 1830 года монарх под-

**Губернатор Хмельницкий разбил сад Блонье, сохранившийся до сегодняшних дней**

**В 1832 году губернатор Хмельницкий решил восстановить Молоховские ворота, лежавшие в руинах со времен наполеоновского нашествия**

писал указ, согласно которому смолянам была выдана беспроцентная ссуда в 1 миллион рублей на 15 лет для «*постройки обывательских домов и… других зданий и учреждений, которые могут приносить доходы*». При помощи этой ссуды всего было «воздвигнуто вновь и исправлено» 32 каменных и 246 деревянных домов. Центральные улицы Смоленска при Хмельницком замостили камнем и кирпичным щебнем, в губернском и некоторых уездных городах были перестроены мосты.

Эпицентром «строительной лихорадки», начавшейся с приходом молодого и инициативного губернатора, несомненно, являлся губернский центр. В 1830 году, во время проезда через Смоленск императора, Николай Хмельницкий исходатайствовал у него позволение устроить сад на пустыре в самом центре города. Это место с екатерининских времен использовалось для муштровки смоленского гарнизона. Новый губернатор добился переноса места для плац–парада близ Королевской крепости, а у себя под окнами разбил сад, сохранившийся до сегодняшних дней и известный смолянам под названием «Блонье».

В 1831 году в Смоленске построили каменные здания 1–й и 2–й полицейских частей, в 1832 году — 3–й части (располагались они в соответствующих районах города). В этом же году было окончено строительство военного госпиталя в Заднепровье.

В 1832 году губернская администрация решила восстановить Молоховские ворота, лежавшие в руинах со времен наполеоновского нашествия. Строители, производившие расчистку развалин, нашли икону Благовещения Божьей Матери, ранее стоявшую над воротами. В том, что икона двадцать лет пролежала в земле и сохранилась, смоляне «*усмотрели чудо, как бы некоторый перст Божий, указующий совершить благое дело*». Хмельницкий написал докладную записку от 3 сентября 1832 года на имя министра внутренних дел с просьбой «*исходатайствовать высочайшее соизволение на постройку церкви над Молоховскими воротами*». План и фасад церкви (весь внешний вид которой органично вписывался по стилю в крепостную стену) были утверждены Николаем I.

Николай Хмельницкий, будучи «человеком истинно просвещенным», заботился не только о строительстве и внешнем преображении Смоленска. В 1831 году стараниями губернатора была открыта смоленская губернская библиотека — одна из первых провинциальных библиотек. Ее книжный фонд комплектовался с помощью пожертвований. С просьбой прислать книги и журналы Хмельницкий обратился ко многим издателям и литераторам: Полевому, Погодину, Жуковскому, Гнедичу, Булгарину, Крылову, Хвостову и другим. Подобная просьба была адресована и Пушкину.

С именем Хмельницкого связана первая в России губернская выставка ремесленных и мануфактурных изделий, открытая в Смоленске в 1833 году.

На рубеже 20—30–х годов XIX века центральное правительство уделяло Смоленску значительное внимание. Неизвестно, было ли это связано только с личностью широко известного в столичном обществе губернатора, или же правительство «вспомнило» о заслугах смолян в войне 1812 года, но деятельность Хмельницкого по обустройству Смоленска встречала в то время у вышестоящих властей всяческую поддержку.

3 сентября 1832 года в Смоленск вновь прибыл Николай I. В этот визит он посетил Успенский собор, осмотрел новый госпиталь, тюремный замок и школу кантонистов, сделал пожертвование на обновление памятника Энгельгардту. Император остался «доволен старанием губернатора Хмельницкого за обстройку города» и позже прислал ему «звезду» — орден святого Станислава I степени. А в 1836 году (правда, в это время Хмельницкий был уже не на самом лучшем счету у центральных властей) смоленский губернатор получил особое вознаграждение, полагавшееся чиновникам за долгую

государственную службу — так называемую аренду, в виде закреплявшихся за ним на двенадцать лет земель из казенного фонда.

Но почему же Хмельницкий, несмотря на наличие реальных положительных сдвигов в жизни губернии (в первую очередь, конечно, в жизни самого Смоленска), постепенно перестал пользоваться поддержкой центра, и в конце концов даже попал на скамью подсудимых? Просвещенный характер деятельности инициативного губернатора не мог соответствовать общему консервативно–полицейскому духу николаевского времени. Хмельницкий «не сходился по службе» с местными чиновниками, вызывал недовольство православного духовенства за либеральное отношение к «зловредным плевелам раскола», а помещиков — за «невнимательность к сословию дворян». Отсюда множество доносов на него в адрес Третьего отделения под управлением небезызвестного Бенкендорфа.

Весной 1834 года наступил, как тогда казалось Хмельницкому, предел его возможностей. Спустя ровно пять лет после своего назначения в Смоленск, он подал прошение об отставке. Поводом, заставившим губернатора просить увольнения от службы, стали возникшие между ним и министерством внутренних дел разногласия по делу об «устройстве в губернии лучшего сообщения» — строительстве шоссе Смоленск—Москва.

Однако отставка Хмельницкого не была принята вышестоящими властями, поступившими в соответствие с поговоркой «коней на переправе не меняют». В итоге дело со строительством злополучного московского шоссе стало самым громким в плане «злоупотреблений» губернской администрации и последним в служебной карьере Хмельницкого.

Вести линию шоссе правительство предполагало через Дорогобуж и Медынь к Малоярославцу, но, по ходатайству Хмельницкого, осенью 1836 года Николай I дал согласие на строительство дороги через Вязьму и Гжатск. К лету 1837 года был проложен участок шоссе протяженностью немногим более сорока верст, от Смоленска до Соловьева перевоза. Каждая верста дороги обошлась примерно в 35 тысяч рублей, что было на порядок дороже, чем в среднем по европейской части России. Такая дороговизна объяснялась гористым рельефом и сложным профилем дороги, требовавшим «больших выемок и насыпей». Несмотря на то, что смета была утверждена самим правительством, известно высказывание Николая I по этому поводу, что «*дешевле обошлось бы вымостить эту дорогу серебряными рублевиками, чем камнем*».

Николая Хмельницкого в июле 1837 года высочайшим указом перевели на должность архангельского губернатора.

Однако дорога от Смоленска до Соловьева перевоза оказалась построенной только на бумаге. В сентябре 1837 года губернский предводитель дворянства Аничков написал генерал–губернатору Дьякову письмо, в котором указывал на «беспорядки при устройстве шоссе». Дело в том, что изменение направления шоссе произошло тогда, когда строительные работы шли уже полным ходом и «*назначение самой линии на дистанции к Соловьеву во многих местах произведено было вдвойне, отчего жители понесли двойную потерю как в истоптанном хлебе, так и в срубленном напрасно лесе для просеков, оказавшихся после ненужными*», очень часто совсем оконченная и усыпанная камнем дорога через некоторое время подвергалась новой съемке или насыпи. «*При таком*

**Деятельность Хмельницкого по обустройству Смоленска встречала в то время у вышестоящих властей всяческую поддержку**

*распоряжении, кроме напрасной потери во времени, напрасно издерживается капитал»*, — делал вывод в своем донесении генерал–губернатору предводитель дворянства. Учрежденная Дьяковым «Комиссия для расследований действий Местного Начальства по работам Смоленского Шоссе» нашла еще множество нарушений, связанных с многочисленными обсчетами работников со стороны двух основных подрядчиков — купцов Пестрикова и Зуева. Контракты с ними были признаны недействительными, на этом работа следственной комиссии прекратилась.

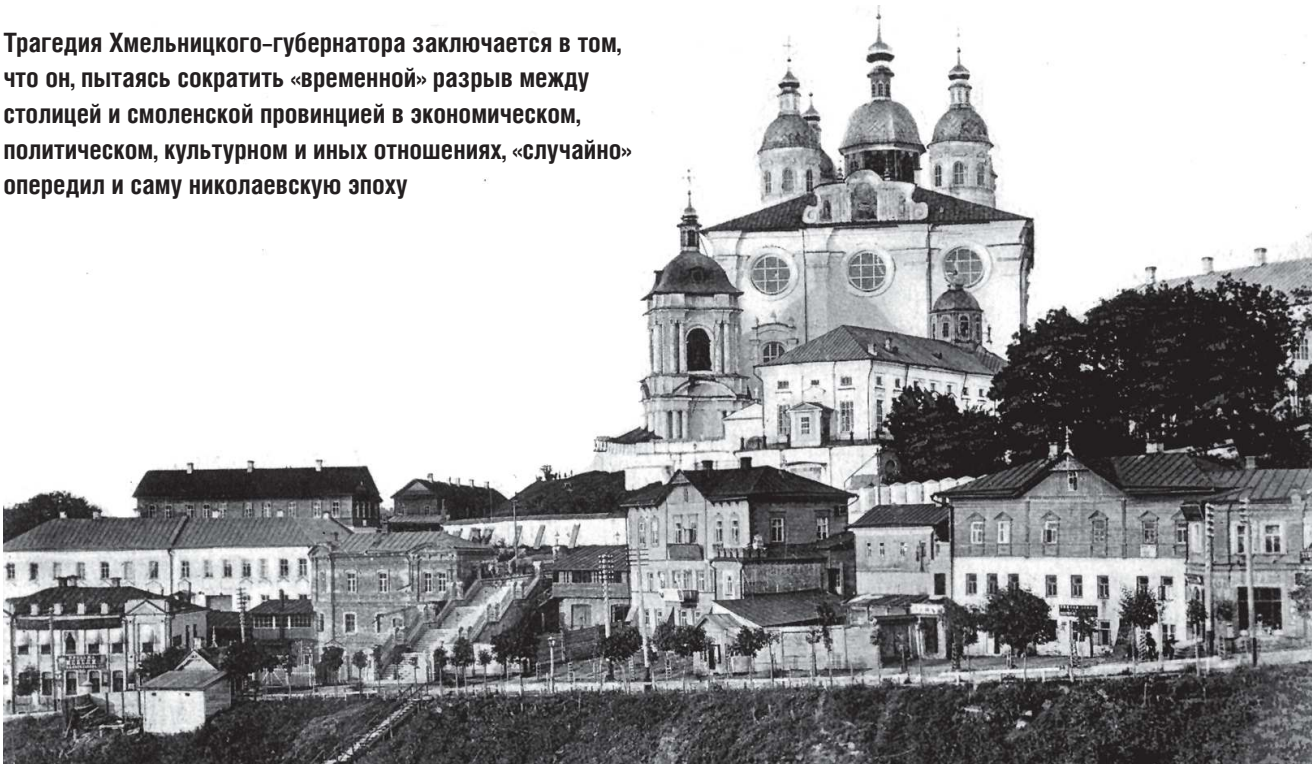
Но даже построенные участки дороги «не пережили» весеннего половодья 1838 года.

В марте 1838 года была сформирована новая, теперь уже «высочайше утвержденная» комиссия «для открытия злоупотреблений по производству работ на Смоленском шоссе». По итогам работы комиссии, в ноябре 1838 года Николай I повелел передать строительство шоссе «*как в искусственном, так и в хозяйственном отношениях в непосредственное распоряжение Главного Управления Путей сообщения и Публичных зданий*». Одновременно императором было сделано распоряжение о том, чтобы «*оказавшихся виновными в злоупотреблениях по устройству Смоленского шоссе бывшего Смоленского Гражданского губернатора действительного статского советника Хмельницкого, смотрителя шоссе подполковника Шванебаха, комиссара Рачинского и подрядчика Пестрикова посадить в казематы Санкт–Петербургской крепости и предать немедленно военному суду при здешней Ордонанс гауптвахте*».

История со строительством шоссе очень сильно подорвала здоровье Николая Ивановича. Из крепости, спустя полгода, он вышел почти ослепшим и сразу же отправился за границу. Дальнее путешествие несколько воодушевило и ободрило его, хотя само лечение успеха не имело. Вернувшись из–за границы, Николай Хмельницкий прожил недолго. Умер он 8 сентября 1845 года и был похоронен на Смоленском кладбище Санкт–Петербурга.

Губернатор Николай Хмельницкий — явление, принадлежащее к принявшей российской властью идее Карамзина о том, что надо «искать людей… в особенности для мест губернаторских», а не заниматься изобретением новых государственных структур. Но жизнь центра и российской глубинки всегда протекала в разном историческом времени. И трагедия Хмельницкого–губернатора заключается в том, что он, пытаясь сократить «временной» разрыв между столицей и смоленской провинцией в экономическом, политическом, культурном и иных отношениях, «случайно» опередил и саму николаевскую эпоху.

**Трагедия Хмельницкого–губернатора заключается в том, что он, пытаясь сократить «временной» разрыв между столицей и смоленской провинцией в экономическом, политическом, культурном и иных отношениях, «случайно» опередил и саму николаевскую эпоху**



# Александр Лопатин

## годы правления: 1871—1880

Спустя два года после назначения в Смоленск нового губернатора на месте заросшего пустыря, некогда называвшегося Комендантским плац–парадом (близ Королевской крепости), появился прекрасный сад. «*Пруд был очищен и заполнен водою. Через него был перекинут изящный мостик, опиравшийся на две арки и небольшой островок посредине пруда. На бастионах были разбиты цветочные куртины в виде звезд, полумесяцев и других фигур… Для всхода на бастионы проделаны каменные и деревянные лестницы. В укромных уголках устроены таинственные гроты. На бастионах и валах выросли красивые беседки разных форм и стилей. Перед ними, на площадках бастионов, у лестниц и пруда, поставлены статуи античных богов. С одного бастиона на другой перекинут воздушный мостик, тюрьма уничтожена и превращена в буфет. Остатки старинных казематов приведены в порядок и получили романтический вид таинственных развалин. Среди них на видном месте был вставлен камень с таинственной надписью «кабогралло». Все это в соединении со старинными валами, стенами и подземельями должно было настраивать фантазию посетителей сада на романтический лад. Словом, саду был придан двоякий характер: наряду с эстетической стороной, с площадками для гулянья, цветами, статуями, беседками, с которых открывались чудные виды, сохранен был и элемент исторический, как это имеет место в лучших исторических уголках Германии и Швейцарии. Современники рассказывают, что подобный сад трудно было найти тогда в другом каком–нибудь городе России…*», — так описывал этот сад смоленский историк Иван Орловский.

В 1873 году по ходатайству Смоленской Думы саду было присвоено наименование «Лопатинский», которое он носит до сих пор. Увековеченное в названии сада имя Александра Григорьевича Лопатина осталось в памяти многих поколений смолян не только благодаря его «попечению» в устройстве «роскошного уголка» и «лучшего украшения города», но и за многие другие заслуги, речь о которых пойдет ниже.

Александр Лопатин носил звание почетного гражданина Гжатска, Красного, Дорогобужа, Поречья, Смо-

ленска, Рославля. Его с полным правом можно назвать одной из самых деятельных и ярких фигур среди всех смоленских губернаторов.

Родился Александр Лопатин 23 апреля 1818 года в родовом имении Лопатиных, находившемся в селе Сергеевское Торопецкого уезда Псковской губернии. Получив домашнее образование, Лопатин двенадцать лет состоял на военной службе: начал ее в 1835 году унтер–офицером в лейб–гвардии Преображенского полка, а был уволен «за болезнью» в звании капитана в 1847 году. За время службы неоднократно удостаивался «монарших благоволений».

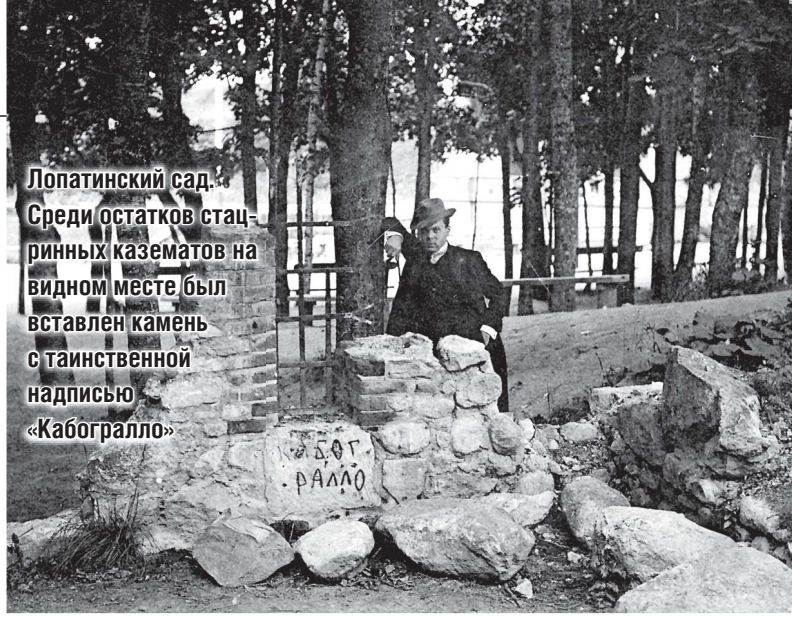
Вскоре после обнародования манифеста об освобождении крестьян от 19 февраля 1861 года псковский губернатор назначил Александра Лопатина сначала мировым посредником Торопецкого уезда, а вскоре членом губернского по крестьянским делам присутствия. Крестьянскими делами Лопатин занимался семь лет, успешно зарекомендовав себя на поприще гражданской службы. В декабре 1868 года он был переведен в ведомство министерства юстиции «чиновником за обер–прокурорский стол сверх комплекта» с переименованием из военного чина подполковника в надворные советники. В том же году Лопатин был откомандирован в Киев «исправлять должность» губернского прокурора. В 1869 году он получил чин статского советника, год спустя — действительного статского советника. Именным высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату 17 июля 1871 года, Александр Лопатин был назначен смоленским губернатором.

В 70–е годы XIX столетия в Смоленской губернии прошли еще две важные реформы, являвшиеся составной частью Александровских преобразований: городская и военная. Первая реформа привела к созданию выборного городского самоуправления, а вторая, ликвидировав рекрутскую систему, ввела всесословную воинскую повинность.

Рекрутские наборы в Смоленской губернии по ходатайству Лопатина были отменены в 1872 году, на два года раньше, чем в целом по России. Вообще, в его личную заслугу можно зачесть и многое из того, что появилось нового в городах губернии в 70–е годы позапрошлого столетия. Уже в 1871 году была устроена телеграфная линия Москва—Смоленск со станциями в Вязьме и Гжатске, а два года спустя смоленский телеграф имел связь со 114 телеграфными станциями России и Европы. В 1874 году «для содействия пожарной команде при тушении пожаров» в Смоленске было создано пожарное общество, членом которого являлся и губернатор. Лопатин принимал личное участие в составлении смоленской Думой правил «по предметам городского благоустройства» (1872 год). В 1878 году он «выхлопотал» у правительства право беспошлинного ввоза в Смоленск из–за границы «*тысячи семисот пудов чугунных труб и ста пудов частей фонтанов*» для строившегося водопровода. Он являлся инициатором создания в Смоленске сада, о котором говорилось выше, а также одним из инициаторов сооружения памятника композитору Глинке (установлен в 1885—1887 годах).

За время губернаторства Александра Лопатина количество промышленных предприятий Смоленщины увеличилось с 806 до 982 штук. Понимая, как много значит для экономики губернии налаживание транспортных связей, Лопатин уделял большое внимание строительству дорог. В ноябре 1871 года был введен в эксплуатацию Смоленско–Брестский участок железной дороги, а в 1878 году открыто движение поездов по второму пути дороги Москва—Брест.

**Лопатинский сад получил свое название в 1873 году по ходатайству Смоленской Думы**




Лопатинский сад. Среди остатков стацринных казематов на видном месте был вставлен камень с таинственной надписью «Кабогралло»

Много внимания Лопатин уделял развитию образования и здравоохранения. Во время его губернаторства в Вяземском уезде открылась Алферовская учительская семинария, мужские прогимназии в Рославле и Белом, городские училища в Вязьме, Духовщине, Смоленске, Красном. В 1877 году в Смоленске открылось первое реальное училище, расположившееся в специально построенном для него здании у сада Блонье. Всего же за время управления Лопатиным губернией на Смоленщине появилось 63 новых учебных заведения (в том числе восемь женских гимназий в уездных городах), а количество учащихся увеличилось более чем в полтора раза: с 9717 человек в 1871 году до 15828 в 1879 году.

В год назначения Александра Лопатина смоленским губернатором в губернии свирепствовали две эпидемии: тифозной горячки и холеры. Из–за малочисленности больниц и отсутствия медикаментов от болезней умирали сотни людей. Для принятия мер по ликвидации эпидемических заболеваний Лопатин неоднократно ходатайствовал перед правительством о выделении кредитов. Получаемые средства шли на открытие временных холерных отделений в больницах, на увеличение штата «медицинских чинов», на закупки лекарств для населения.

Многие положительные личные качества Лопатина, сострадание к ближнему и желание помочь страждущим отчетливо проявились в благотворительной деятельности. В 1872 году его стараниями в Смоленске начало действовать благотворительное общество. Содержалось оно за счет личных пожертвований (первый крупный взнос сделал сам губернатор) и средств, получаемых от платных концертов, любительских спектаклей, лотерей. Первым деянием общества стало открытие в Смоленске бесплатной лечебницы «для приходящих», услугами которой впоследствии ежегодно пользовалось несколько тысяч человек. Вторая такая же лечебница в 1879 году появилась в Вязьме. Годом ранее благотворительное общество открыло приют для малолетних мальчиков, родители которых находились в тюрьме. За счет средств общества также содержались богадельня для престарелых женщин, «бесплатная чайная для народа», получали питание и белье инвалиды, сироты, солдатские вдовы.

Кроме этого, в 1872 году в Смоленске на средства городских банкиров Пестрикова и Ланина открылась богадельня «для призрения неимущих средств к существованию, престарелых, увечных и неизлечимо больных обывателей обоего пола», а при местном отделении общества попечения о больных и раненых воинах — община сестер милосердия. С 1874 года в губернском центре стала действовать «женская рукодельная школа для бедных девиц», куда принимали девочек из неимущих семей с двенадцатилетнего возраста.

От обязанностей смоленского губернатора Александр Лопатин был освобожден по состоянию здоровья 3 марта 1880 года. В день проводов из Смоленска (23 мая) городская Дума приняла постановление о присвоении ему звания почетного гражданина Смоленска «*в знак признательности к девятилетней деятельности… и во внимание к его заботам о нуждах населения города, выразившемся в его покровительстве и личном участии в местных благотворительных учреждениях и в постоянной его готовности помочь бедным и нуждающимся…*» (это постановление было утверждено императором 29 сентября 1880 года). Сами проводы описывались современниками так: «*…Старожилы не помнят более теплых, задушевных провод, более искренних, хоть и не шумных оваций правителю губернии. Вся платформа была покрыта публикой: служащими, купцами, волостными старшинами… Букетами, хлебом–солью и добрыми словами напутствовали собравшиеся около Александра Григорьевича… На платформе были ученицы рукодельной школы, основанной и окрепшей заботами А.Г. Лопатина, его провожали детский приют и приют для мальчиков…*».

Супруга Лопатина скончалась еще до 1871 года, оставив троих сыновей (Бориса, Григория, Александра) и дочь Капитолину. После отставки Александр Лопатин возвратился в село Сергеевское Торопецкого уезда Псковской губернии. Скончался он 1 декабря 1890 года. Похоронен на семейном кладбище родового имения.

# Кыстыбый будешь?

**Юрий СОЛОМОН**

Триумфом российских спортсменов завершилась Универсиада—2013 в Казани. Такого успеха… О чем это я? А–а–а–а. Тема сегодняшних заметок — татарская кухня. Начнем, как повелось, с нашей общей любимой игры в ассоциации. Татарская кухня? Чак–чак. Уверен, не менее девяноста восьми процентов читателей ответят именно так. Остальные, может быть, назовут еще несколько знаменитых татарских блюд. Но о них ниже, а пока несколько слов о чак–чаке. Или о чаке–чаке? Надо у Норриса спросить. Надеюсь, все понимают, что наши пародийные кулинарные шедевры в виде склеенных ирисками кукурузных палочек не имеют к знаменитому татарскому блюду абсолютно никакого отношения. Если только внешне немного похожи. И то издали. Очень издали. Не знаю, что там продают в прозрачных коробочках в супермаркетах. Но готовить чак–чак, по моему мнению, нужно исключительно в домашних условиях. Согласитесь, существуют блюда, которые по определению теряют свои качества, будучи приготовленными промышленным способом.

В телеграфном стиле о чак–чаке. Берем: одно яйцо, муку пшеничную, мед (половину стакана), сахар (половину стакана), масло растительное, орехи (любые), соль. Что делаем: яйцо взбиваем со щепоткой соли, добавляем муки столько, чтобы тесто отлипало от рук, накрываем тесто салфеткой на 30 минут. Отщипываем от теста кусочек и скатываем в тонкий жгутик. Режем на мелкие кусочки произвольной формы (длинные, круглые, квадратные — какие душа пожелает). Нарезанные кусочки опускаем в кипящее масло порциями и обжариваем до золотистого цвета. Вынимаем обжаренные шарики/кубики/ломтики на бумажную салфетку для удаления лишнего жира. Соединяем мед с сахаром, перемешиваем и ставим на огонь. При постоянном помешивании варим до полного растворения сахара. Выкладываем готовые кусочки теста в глубокую миску и сразу заливаем горячим сиропом, быстро–быстро перемешиваем. Выкладываем чак–чак на блюдо горкой. Украшаем измельченными орехами и оставляем до застывания.

А теперь — внимание! Кыстыбый, эчпочмак, перемячи, казылык… Это не заклинания татарского Гарри Поттера, а, наоборот, весьма съедобные и потрясающе вкусные блюда.

Эчпочмак — это такой треугольный беляш с начинкой из мяса, картофеля и лука. Собственно, само название переводится с татарского как «треугольник». Вообще, различного вида беляши (в нашем понимании) — отдельная тема татарской кухни. Разнообразие широчайшее. Формы всевозможные. Начинки — песня. Авторитетные кулинары поговаривают, что жарение как способ приготовления пищи пришло на Русь именно с татарами. До этого мы продукты только варили и парили. Благодарить или нет братьев наших татарских за распространение жарки на Руси — не знаю. Но факт остается фактом: жареное все мы очень даже любим.

Кыстыбый, он же кузикмяк — лепешка (а по мне так просто блин) с начинкой из пшенной каши или из картофеля. Или из чего хотите. Будет ваш персональный кыстыбый. Как начиняют блины? Начинку накладываем на одну половину и закрываем сверху второй. Получаем с виду такой полублин. ■

*Продолжение следует*

# Перемячи

Молоко 2 стакана
Мука 4 стакана
Яйцо 1 шт.
Мясо (любое) 1 кг.
Лук репчатый 1 шт.
Перец черный
Дрожжи
Соль

Замешиваем тесто из подогретого молока, яйца, дрожжей, соли, муки. Ставим в теплое место на 20 минут. Мясо с луком проворачиваем через мясорубку. Добавляем соль, перец, стакан воды. Перемешиваем. Тесто раскатываем в лепешки. В середину лепешки укладываем сырой фарш и приминаем. Затем поднимаем края теста и собираем в середине, оставляя отверстие в 1 см. Обжариваем во фритюре сначала отверстием вниз. После того как зарумянятся, переворачиваем.

# Тудма

капуста 1 шт.
вареный рис 0,5 стакана
яйцо 2 шт.
баранина 700 г
лист лавровый
соль
масло сливочное 2 ст.л.
лук 1 шт.

Для соуса:

лук 1 шт.
сметана 100 г
масло сливочное 150 г
помидоры 300 г
паста томатная 1 ст.л.
морковь 1 шт.

Капусту разбираем на листья, опускаем их в кипящую подсоленную воду на 8 мин. и откидываем на дуршлаг. Для начинки пропускаем мясо и лук через мясорубку. Добавляем рис, солим, перчим, перемешиваем. На остывшие листья капусты укладываем начинку и заворачиваем конвертиками. Обмакиваем голубцы во взбитые яйца и обжариваем на разогретом сливочном масле по 5 мин. с каждой стороны.
Готовим соус. Обжариваем нарезанный лук, добавляем морковь и готовим еще 5 мин. Добавляем нарезанные помидоры и томатную пасту, тушим 5 мин. Вливаем 100 мл воды и сметану, приправляем солью и перцем, доводим до кипения и варим 10 мин.
Укладываем голубцы в широкую кастрюлю, заливаем соусом, добавляем лавровый лист и тушим под крышкой на небольшом огне 40 мин.

# Памятник «Гороушне»



Совместный проект журнала «О чем говорит Смоленск» и Главного управления информационной политики и общественных связей Смоленской области

**Установлен в честь первого славянского слова, обнаруженного нацарапанным на черепках амфоры в Гнездове**

**По одной из версий «Гороушна» это мужское славянское имя, по другой — горчица, по третьей — зерна или горох**

стр.11